

Александр Воронцов

18+

ПРИЙТИ В СЕБЯ.
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ СЕРЖАНТА ЗВЕРЕВА

Книга третья. Бабочка для Украины

Прийти в себя. Вторая жизнь сержанта Зверева

Александр Воронцов

**Прийти в себя. Вторая жизнь
сержанта Зверева. Книга третья**

«Автор»

2020

Воронцов А.

Прийти в себя. Вторая жизнь сержанта Зверева. Книга третья /
А. Воронцов — «Автор», 2020 — (Прийти в себя. Вторая жизнь
сержанта Зверева)

ISBN 978-5-532-99524-6

Оперативная группа КГБ из Москвы, прилетевшая в Днепропетровск расследовать странный случай схватки одиннадцатилетнего пионера с вооруженными бандитами, получает неожиданную информацию. Оказывается, имеет место переход из будущего в прошлое. И пионер Зверев – именно результат такого перехода. Но он не один – есть еще и другие «попаданцы»... А Максим Зверев, побывав в прошлом, сам того не зная, меняет будущее...

ISBN 978-5-532-99524-6

© Воронцов А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава первая. Работа над ошибками	6
Глава вторая. Эффект Брэдбэри	14
Глава третья. Синдром господина Хлестакова	19
Глава четвертая. Мертвые иногда возвращаются!	26
Глава пятая. Украина-2. Вторая попытка	32
Глава шестая. Украина-2. Начало конца	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Воронцов

Прийти в себя. Вторая жизнь сержанта Зверева. Книга третья

«Раздавите ногой мышь – это будет равносильно землетрясению, которое исказит облик всей земли, в корне изменит наши судьбы. Гибель одного пещерного человека – смерть миллиарда его потомков, задушенных во чреве. Может быть, Рим не появится на своих семи холмах. Европа навсегда останется глухим лесом, только в Азии расцветет пышная жизнь. Наступите на мышь – и вы сокрушите пирамиды. Наступите на мышь – и вы оставите на Вечности вмятину величиной с Великий Каньон. Не будет королевы Елизаветы, Вашингтон не перейдёт Делавер. Соединенные Штаты вообще не появятся. Так что будьте осторожны. Держитесь тропы. Никогда не сходите с нее!»

Брэдбери Р. «И грянул гром»

Глава первая. Работа над ошибками

Когда в 1965 году в СССР вышла фантастическая юмористическая повесть братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», в которой был описан вымышленный Научно-исследовательский институт чародейства и волшебства (НИИ ЧАВО), никто из прочитавших эту повесть и не догадывался, что писатели-фантасты описали на самом деле существовавший в Советском Союзе некий секретный институт, точнее, лабораторию. И в этой лаборатории работали люди, ну, может и не занимавшиеся волшебством, но явно обладавшие неординарными способностями. Эти способности через много лет назовут экстрасенсорными, а людей, обладающих ими – экстрасенсами. Но тогда, в 60-е-70-е годы умение предсказывать будущее или читать мысли называли биоэнергетикой.

Как удалось писателям-фантастам узнать эту государственную тайну и проникнуть в секретную лабораторию КГБ – этого никто так и не узнал...

Москва, год 1976, 11 декабря

В кабинете начальника информационно-аналитического управления внешней разведки КГБ СССР генерал-майора Николая Леонова находились пятеро: сам Леонов, майор КГБ Виктор Игоревич Шардин, старший лейтенант КГБ Сергей Колесниченко и сотрудники секретного отдела КГБ – точнее, воинской части №10003 – Валерий Кустов и Владимир Сафонов. О том, что это за отдел и чем он занимается, а также чем занимаются товарищи Кустов и Сафонов, во всем Комитете государственной безопасности знали всего пять человек. Включая генерал-майора Николая Леонова. Даже старший лейтенант Сергей Колесниченко, который исполнял обязанности куратора одного из сотрудников этого отдела – Владимира Сафонова, в полной мере не имел информации о том, чем конкретно занимается его подшефный.

– Ну, что ж, раз прошляпили парня – давайте думать, как и чем можно в этой ситуации ему помочь. Ему и всем нам, – Леонов, сидя за своим столом, угрюмо глядел сверху вниз на членов оперативной группы, которая только что вернулась из Днепропетровска.

– Товарищ генерал-майор, разрешите... – майор Шардин начал было вставать, но Леонов одним движением руки оставил его сидеть.

– погоди, майор, до тебя очередь дойдет. И я еще подумаю, выйдешь ли ты от меня майором или уже капитаном. Владимир Иванович, доложите Ваши соображения.

Невзрачный человечек, немного похожий на похудевшего хомячка, встал, откашлялся, зачем-то потрогал свои небольшие усики и заговорил. Его речь была монотонно-убаюкивающей, неслышно шелестела, как речной песок с горки, но каждое его слово было, как раскаленный камень.

– На сегодняшний день результаты операции неутешительные. Объект наблюдения лежит в коме в Днепропетровской областной больнице имени Мечникова. И, как удалось зафиксировать несмотря на то, что мозг активен и продолжает не просто функционировать, а работать в, так сказать, полноценном, штатном режиме, интересующий нас объект пока не выявлен.

– погоди, Владимир Иванович, я не понял – мальчик же на месте, как не выявлен? генерал даже растерялся.

– Николай Сергеевич, я сейчас все объясню, я просто хочу подробно, – Сафонов успокаивающе поднял руку.

И продолжил.

– Так вот, в целом, до этой нелепой травмы мне удалось побеседовать с мальчиком, и кое-что для себя прояснить. Причем, некоторые мои предположения он лично мне подтвердил. Итак, я твердо могу утверждать, что с его сознанием произошли очень серьезные изменения. Но никакого внешнего вмешательства не было. Ни я, ни мой коллега, Валерий Валентинович Кустов, это не зафиксировали.

Второй сотрудник секретного отдела, большеголовый круглолицый мужчина, эдакий уса-
тый колобок, молча кивнул, подтверждая слова Сафонова.

– То есть, все, что произошло с этим удивительным мальчиком за последние четыре
месяца – все это произошло не извне, а изнутри. Сейчас, сейчас поясню, – заторопился Сафо-
нов, увидев удивленный взгляд Леонова.

И продолжил.

– В каждом из нас хранится генетическая память – память о наших предках. Вы, навер-
ное, все замечали неоднократно, что не только дети похожи на своих родителей, но и внуки –на
своих дедушек и бабушек. И правнуки – на своих прадедов и прабабок. Ну и так далее. Через
много поколений в семье может появиться копия какого-то пращура. То есть, наши предки
могут в какой-то момент проявляться и в нашем фенотипе, и в наших генах, конечно же. Но
в данном случае произошло нечто совершенно экстраординарное. В этом мальчике, Максиме
Звереве, проявился не его предок, а его потомок.

– Как это потомок? У него еще нет потомков? – генерал даже привстал со своего места.

– Да вот так. Я, наверное, даже неточно выразился – в одиннадцатилетнем Максиме Зве-
реве проявился он сам. То есть, тот Максим, которым он еще станет, – Сафонов достал носо-
вой платок и вытер пот со лба.

– погоди, Владимир Иванович, как может в мальчике проявится он сам, если он еще
не... То есть, ты предполагаешь, что имеет место контакт из будущего, – Леонов недоверчиво
посмотрел на своего сотрудника.

– Не совсем контакт. И, возможно, не из будущего. Здесь я пока не могу точно понять и
даже предположить, с чем мы столкнулись. Если это явление темпорального порядка, то воз-
можен вариант «пришелец из будущего». Индивидуальный это случай, или эксперимент цивили-
зации и государства – это пока неясно. Я стараюсь оперировать фактами и делать выводы
из тех событий, которые произошли. Ну и, конечно, выводы экспертов. Лично я предполагаю,
что в теле мальчика находятся как бы два человека, понимаете? Он-сам – ребенок и он-сам
– взрослый. И в сознании этого ребенка самого ребенка уже нет – одиннадцатилетний, точ-
нее, уже двенадцатилетний Максим задвинут куда-то глубоко в подсознание, а на первые роли
вышел уже взрослый Максим Зверев. Который прожил достаточное количество лет, умудрен-
ный опытом, имеет знания и, главное, умения взрослого человека. Судя по всему, это довольно
специфические знания и умения.

– Таааак.... Получается, мы получаем... тьфу ты, уже заговариваться стал... В общем,
мы получили вместо обыкновенного мальчика необыкновенного пришельца из будущего? –
Леонов явно был раздосадован.

– Ну, я не знаю, обыкновенный этот Зверев пришелец или нет, но уже сам факт этого, так
сказать, «подселения» – уже является необыкновенным. Если ранее это допускалось только
теоретически, то данный случай доказывает, что теория подтверждается и переход сознания
возможен не только из прошлого в наше настоящее, но и из будущего – тоже, – Сафонов побе-
доносно посмотрел на генерала госбезопасности.

Тот только руками развел.

– И пришелец из этого будущего обладает сходной с этими молодыми людьми профес-
сией, – Сафонов кивнул на Шардина и Колесниченко. – Мальчик проявил прекрасные навыки
бойца, а также работника оперативного состава. Что и показал эпизод в сберкассе, а также его
работа в стычках с хулиганами и последний эпизод нападения на нас преступников.

– Про нападение мы еще поговорим, – генерал бросил уничтожающий взгляд на майора
и старшего лейтенанта.

Тем стало весьма неуютно.

– А пока давай, Владимир Иванович, полностью по этому пришельцу. Что вообще уда-
лось выяснить?

– Я сразу понял, что мальчик, точнее, взрослый Максим Зверев подает нам сигналы. Его «работа» в сберкассе, его демонстративное поведение в школе, его стихи и прочие подвиги, например, на спортивном поприще – все это попытки установить с нами контакт.

– С нами? – удивленно поднял брови генерал.

– Да, именно с Комитетом. Судя по всему, Зверев-взрослый имел... точнее, имеет в своем будущем отношение к примерно таким же органам госбезопасности или иным спецслужбам, поэтому понимает, к кому ему надо обращаться. Милиция – это слишком локально и не касается глобальных вопросов, а куда тогда ему идти? В органы партийного контроля? В профсоюзы? Именно КГБ и занимается вопросами подобного уровня. Тем более, если Зверев имеет, точнее, имел отношение к подобным службам или вообще работает на такие службы по государственной программе, то он знает, что именно госбезопасность занималась экспериментами с биоэнергетикой и прочими паранормальными явлениями. И именно КГБ обладает реальной силой и реальной властью в Советском Союзе.

– Так, понятно, что Зверев этот – наш человек. Он это, кстати, доказывал неоднократно – я читал твой рапорт, старший лейтенант, – Леонов кивнул Колесниченко. – Но мне непонятно другое – почему этот Зверев просто не позвонил в КГБ, не пришел на прием, не объяснил?...

Сафонов засмеялся.

– Ну, товарищ генерал, как вы себе это представляете? Приходит в местное управление КГБ двенадцатилетний школьник и говорит: «Дяденьки, я из будущего?» Кому он должен был звонить? Кто бы его стал слушать? К тому же в разговоре он мне признался, что опасался попасть в психушку или какую-то нашу лабораторию, где его стали бы изучать и все такое... Короче, опасался стать подопытной мышью...

– Ну, да, я понял, ты прав – мальчик, точнее, этот взрослый Зверев имел повод опасаться...

– И не только опасаться, но и бояться. Потому что подобными проблемами занимается только наше управление и даже не управление – а только наш отдел. И даже в центральном аппарате мало кто знает, чем именно мы занимаемся... – Сафонов пристально посмотрел Леонову в глаза.

Тот отвел взгляд.

– Да, ты снова прав, Владимир Иванович. Вот, мы майора включили в список лиц, которые допущены к гостайне. Так что, майор, если ты не докажешь свою нужность, то с такой тайной никто тебя отсюда не выпустит...

Шардин поднял глаза и встретил холодный, немигающий взгляд генерала КГБ. Ему снова стало не по себе.

Сафонов продолжил.

– Я понял, что мальчик не мог быть обучен здесь тем навыкам и приемам, которые он демонстрировал. Во-первых, слишком совершенная для такого юного спортсмена техника, которую, кстати, невозможно спрятать – так что доклады о его прошлом, где он ничем не выделялся, дали мне основную пищу для размышлений. Во-вторых, подобные навыки нужно оттачивать даже не годами – десятилетиями. Не мог же этот Зверев с колыбели учиться всем этим ударам, перемещениям, броскам? То есть, я сделал выводы о том, что никакой дед его не обучал. Ну, возможно, тренировал, но еще ДО пришествия старшего Зверева в тело мальчика.

– В тело? – удивился генерал.

– Ну, в тело, в сознание – не суть важно. Думаю, если это – энергетический переброс, то, конечно, на сознание мальчика наложилась матрица сознания его же взрослого. Потому и отторжения не произошло, и навыки проявились, и моторика в идеальном состоянии. Раз это именно его собственное сознание, а не кого-то другого. Возможно, существует и переход чужого сознания в чужое тело или вторжение в чужое сознание. Но при таком раскладе, думаю, симбиоз не будет таким быстрым и совершенным. Я это понял окончательно, когда посмотрел

на движения мальчика и во время тренировок, и во время соревнований. А когда встретился, то, как мог, просканировал его. Правда, этот Зверев умело защищался, но, скорее всего, интуитивно. Техникой психозащиты он не обладает. А что касается версии товарищей про его деда или таинственного китайца... Если бы его дед или кто-то еще учили мальчика, остался бы отпечаток в его сознании. Я такого не увидел.

– Ну, хорошо, более-менее мы выяснили, что произошло. И даже понимаем, что этот «пришелец» был готов идти с нами на контакт. Но что дальше? – Леонов в нетерпении резко хлопнул ладонью по столу.

– Дальше надо ждать. Я думаю, мой коллега, Валерий Валентинович Кустов скажет, – Сафонов коротко поклонился, точнее, кивнул головой и сел на свое место.

Поднялся «колобок с усами».

– Мне удалось пообщаться с этим мальчиком, так сказать, без участия его сознания.

– Не понял, то есть как? – Леонов снова был растерян.

– Очень просто – я проник в больницу и посидел в палате рядом с этим мальчиком.

– И вас пустили? – начальник информационно-аналитического управления КГБ разозлился. – Я же лично приказал никого не пускать!

– Меня трудно не пустить туда, куда я хочу пройти, – Кустов улыбнулся. – Я проходил даже в Кремль, когда мне было нужно.

– Вы когда-нибудь доиграетесь – вас разгонят за ваши выходки и меня на пенсию турнут! – проворчал, остывая, генерал.

Леонов не мог знать, что именно это и произойдет с секретной в/ч 10003 в будущем, а советские экстрасенсы и разрабатываемые в КГБ секретные программы будут фактически выброшены на улицу. Но это произойдет еще не скоро...

– Я же, товарищ генерал, для пользы дела! – спокойно ответил Кустов.

– Ладно, продолжайте... Хотя если бы мальчик... если бы мальчику стало хуже...

– Не беспокойтесь, я не лез в его сознание, не копался в его мозге – который, кстати, работает, как хороший трактор. Вообще-то, так не бывает – если человек в коме, то мозг его как бы спит. Точнее, спит весь организм человека. Работает в режиме «стенд-бай». Но в этом своем сне человек мыслит. То есть, мозг его работает, просто не может осуществлять коммуникацию с внешним миром. Работает в таком... как бы, полусонном состоянии. А в данном случае я наблюдал, точнее, ощущал работу эдакого ядерного реактора. Очень мощная, скажу я вам, работа.

– И какие выводы?

– Я думаю, сейчас сознание этого так называемого «пришельца из будущего» находится как бы между мирами. Между нашим и его временем. На перекрестке, что ли... Его связь с нашим миром очень хрупкая. И он может не вернуться к нам.

– И что же тогда? – Леонов еще раз бросил тяжелый взгляд в сторону майора Шардина.

– Ну, я не знаю пока, – Кустов пожал плечами. – Возможно, мальчик выйдет из комы и снова станет таким, каким был. Возможно, на его мозг все же наложится память про эти последние четыре месяца. Одно могу сказать точно – если «пришелец» так и останется «ушельцем», то моторика этого пионера, его рефлексy вряд ли будут снова такими, как у его взрослого потомка. Могу даже сказать, что и собственные двигательные навыки у парня расстроятся... То есть, годик он проведет если не в койке, то в инвалидном кресле – точно.

– Ясно... Ну, я позже еще задам вам и Владимиру Ивановичу пару вопросов, а пока перейдем к непосредственным виновникам нашего сегодняшнего совещания, – Леонов посмотрел на Шардина и Колесниченко, как тигр перед прыжком, словно выбирая, кого первого растерзать.

– Разрешите мне, товарищ генерал? – первым, как ни странно, поднялся со своего стула Колесниченко.

– Ну, давай, старлей, к тебе у меня почти нет претензий. Действовал ты грамотно, разве что не успел вовремя отразить нападение этих урок... Кстати, что там по ним? Установили личности?

– Так точно, коллеги из уголовного розыска провели работу... Майор Красножон просто немного не успел нас предупредить... – Колесниченко выделил это слово «нас», бросив красноречивый взгляд в сторону майора Шардина.

И продолжил.

– Но он успел задействовать свою агентуру. Нападение на Максима Зверева – личная инициатива некоего Варганова Виталия Владимировича, 1951 года рождения, уроженца города Бежица Брянской области, жителя города Днепропетровск. Ранее судимый по статьям 206 ч. III; 142 ч. 2 УК Украины. Кличка «Варган». Авторитет. Преступная направленность – разбои, кражи личного имущества, хулиганство. Пристяжной... то есть, помощник вора в законе Степанова Александра Васильевича, 1924 года рождения, жителя города Днепропетровск, ранее неоднократно судимого, кличка «Шурик хромым». Смотрящий по Днепропетровской области. Как доложили коллеги, Хромым дал задание прощупать Зверева и мягко – именно мягко – пригласить мальчика к нему для беседы. Варганов превысил свои полномочия. Его сообщником был Даргаев Дарга Насрулаевич, 1957 года рождения, уроженец Дагестана, житель города Новомосковск Днепропетровской области, тренер детского спортивного общества «Локомотив». Клички «Дагестанец», «Дима». Авторитет, лидер, гастролер, цеховик, картежник, вымогатель. При нападении получил травмы, несовместимые с жизнью.

– Это наш пионер его так? – Леонов с любопытством посмотрел на старшего лейтенанта, что-то пометив у себя в ежедневнике.

– Так точно, товарищ генерал, Зверев. Вначале Владимир Иванович этого уголовника, так сказать, подавил, но когда напал на него второй – этот самый Варганов, то нападение отбил Зверев. Но в этот момент первый урка, Даргаев, выхватил нож. И если бы не пионер, то Владимир Иванович лежал бы сейчас в морге на месте этого Даргаева. А так – Зверев метнул в уголовника увесистую железку. Как оказалось, он на случай ЧП таскал с собой некий импровизированный кастет – кран от гидранта. И вот его он метнул Даргаеву точно в висок. Мгновенная смерть.

– Любопытно. Впрочем, о бойцовских навыках этого, так сказать, пришельца из будущего я уже слышал. Что же Вы, Владимир Иванович, так прокололись? – обратился Леонов к Сафонову.

– Николай Сергеевич, моя задача была другая – установить доверительный контакт с объектом. Нападение каких-то уголовников не было предусмотрено. Я думал, что будет обеспечено надежное прикрытие от всяких... ммм... неожиданностей. Поэтому работал спокойно. И показал мальчику часть своих возможностей. Не убивать же мне надо было этого... как его там? Даргаева? Вот-вот, Даргаева. Я его немного подчинил своей воле – только и всего. Простая демонстрация. Я не стал полностью ломать его психику, просто небольшой посыл. И не мог даже подумать, что кто-то станет на меня нападать. Досадное недоразумение.

– Любое недоразумение в ходе операции – это халатность проводящих ее сотрудников, – Леонов снова посмотрел на Шардина. Но за него внезапно вступился Колесниченко.

– Товарищ генерал, произошла накладка. В тот день у лейтенанта Андрея Ермилина, который был выделен товарищем майором для наблюдения и прикрытия Максима Зверева, жену увезли на «скорой» в больницу. И ему с годовалой дочкой просто некого было оставить. Я по приказу майора Шардина один прикрывал Зверева, потому что остальные сотрудники были вне телефонной связи, а рации нам не полагались. И поскольку я видел, что работал Владимир Иванович, то по инструкции, не имел права подходить ближе, чтобы не мешать, – старший лейтенант посмотрел на Сафонова, а потом на Шардина. Майор одарил его вырази-

тельным взглядом, который много чего обещал. Сафонов кивком головы подтвердил все сказанное Колесниченко.

– Ну, с майором еще разберемся. Продолжайте, старший лейтенант.

– Слушаюсь. Так вот, после событий в сберкассе была сходка воров, там разбирали ситуацию, которая там произошла. Ведь Зверев убил вора в законе, а это – событие для криминального мира. Вот смотрящий Степанов и обязан был разобраться. А его пристяжной... ну, помощник, то есть, Варганов, попытался сначала прощупать Максима Зверева один раз в моем присутствии с помощью каких-то малолетних хулиганов. И мальчик специально для меня продемонстрировал свои бойцовские навыки. Видимо, Варганов тоже их оценил, потому и пошел на второй заход уже лично. А в процессе тестирования Зверева его дружок нарвался на Владимира Ивановича, после чего уголовники, что называется, «завелись» и пошли не по сценарию. То есть, решили изъять школьника грубо. Пришлось резко проявляться.

– А почему сразу не стали стрелять? – тон генерала все еще был раздраженным.

– Виноват, товарищ генерал, не сразу понял, что Владимир Иванович не контролирует второго уголовного. Я же мысли читать на расстоянии не умею... – Колесниченко улыбнулся, чтобы его слова не были восприняты, как завуалированная кляуза на коллегу.

– Да, Николай Сергеевич, старший лейтенант прав. Он старался мне максимально не мешать. Я бы смог нейтрализовать и второго, просто это моя вина – увлекся разговором, перестал обращать внимание на окружающих... – Сафонов вступился за своего куратора.

Генерал молчал, и экстрасенс продолжил.

– Старший лейтенант действовал быстро и грамотно, он вовремя отреагировал. Просто, я так понимаю, стрелять в того, кто напал на меня, он не мог, потому что боялся меня задеть, правильно? – Сафонов повернулся к Колесниченко.

– И это тоже. Просто моя вина в том, что нападение произошло сразу и на вас, Владимир Иванович, и на Зверева. А Максим еще и осуществлял активную оборону, трудно было не задеть его при стрельбе. Я просто не успевал, если честно. Готов понести наказание... – Сергей виновато опустил голову.

– Ладно, лейтенант, это хорошо, что честно признался, но ситуация была изначально неподготовленной и за это спрос уже не с тебя. Садись, – Леонов снова посмотрел на Шардина. Тот встал.

– Что скажешь в свое оправдание, майор? – генерал недобро прищурился.

– Виноват я, товарищ генерал, нечего мне сказать. Старший лейтенант все верно пояснил. Я старался не мешать товарищу Сафонову работать, поэтому допустил преступную халатность. Готов понести наказание... Есть у меня только одна рабочая версия...

– У тебя, майор, версии еще имеются? Да твоя основная версия – молиться, чтобы парень не загнулся в больничке! Версии у него! Раньше надо было версии прорабатывать, б..., чтобы потом трупами улицы не украшать, а объект, за которым тебя следить поставили, всякие урки по башке не били! – Леонов даже привстал со своего кресла.

Николай Сергеевич был довольно-таки интеллигентным генералом КГБ, но тут и у него, что называется, планку сорвало.

– Виноват, товарищ генерал. Информация про уголовников не сразу ко мне поступила. И накладки с сопровождением... Можете меня наказать, но разрешите высказать свои соображения? – Шардин понимал, что у него остался только один шанс.

– Соображения... Где они раньше были, твои соображения?! – Леонов устало опустился на свое кресло.

И продолжил.

– Юрий Владимирович Андропов что говорил? «В нынешних условиях, когда борьба с врагом происходит в особых условиях быстрого развития научно-технического прогресса и культуры во всех ее сферах... нужны глубокие знания, всесторонняя подготовка...» И вот

когда мы внезапно получили новые знания, когда был шанс сделать прорыв в будущее – в буквальном смысле этого слова прорыв – ты, майор, оказался неподготовленным... Давай уже, выкладывай, что у тебя за версии?...

– Товарищ генерал, я выслушал всех членов своей группы, включая сотрудников спецотдела – Шардин кивнул в сторону Сафонова и Кустова – и пришел к выводу, что случай с этим мальчиком не единичный. То есть, вряд ли имел место один такой случай в СССР.

– Не понял, ты хочешь сказать, что у нас еще такие вот Зверевы есть? – начальник информационно-аналитического управления снова привстал с кресла.

– Я уверен в этом. Я считаю, что надо запросить архивы, а также разослать по всем территориальным управлениям запросы. Чтобы там проанализировали все необычные случаи с проявлением у детей сверхспособностей, каких-то новых знаний, все случаи с предсказанием будущего и так далее. Что касается Максима Зверева, то, как я понял, он, точнее, его сознание переместилось в свое тело в результате попадания Зверева в своем будущем в ситуацию, подобную той, что случилась у нас.

– Чего-то ты накрутил. Ты что хочешь сказать, я пока не понял? – Леонов снова стал раздражаться.

– Я хочу сказать, товарищ генерал, что этот человек – Максим Зверев – скорее всего попал в свое прошлое в результате потери сознания при тяжелом ранении или контузии... В общем, там, в своем времени Зверев тоже попал в кому. Потому и произошел перенос сознания. И когда уже у нас с ним случилось то же самое – он вернулся обратно.

– Тааак... То есть, ты хочешь сказать, что, если он там, в будущем снова потеряет сознание – он вернется? – генерал с интересом посмотрел на Шардина.

– Так точно, я думаю, он не может одновременно находиться и там, и здесь. Видимо, у него в мозгу какой-то переключатель, который в момент смертельной опасности выключает сознание и переносит его в другое время. Ну, это так, предположения, выводы из фактов. После чего мальчик стал другим? После удара камнем по голове. Мне удалось опросить тех ребят, которые с ним лежали в больнице. По их словам, он сразу продемонстрировал свои навыки. Свои новые навыки. Я потом поговорил с его родителями – они подтвердили, что их сын никаким самбо или еще чем-то подобным ранее не занимался. То есть, Зверев изменился моментально. И вот сейчас, как рассказали товарищи, – Шардин кивнул в сторону Кустова и Сафонова, – мозг Зверева работает, не как у человека, который находится в коме, а как у человека, который даже не спит – бодрствует. То есть, я считаю, что сейчас объект снова вернулся к себе, но его связь с самим собой осталась. И надо все же выяснить – это работает мозг маленького Максима Зверева или все же Максима Зверева из будущего?

– Погоди, майор, вот ведь Валерий Валентинович Кустов доложил нам, что не обнаружил в сознании мальчика присутствие его взрослой, так сказать, половинки. Ну, то есть, не было там взрослого Зверева, – Леонов даже как-то опешил.

– Стоп! А ведь майор прав, – внезапно включился в беседу «усатый колобок» Кустов.

Он даже встал со своего стула и нервно потер руки.

– Майор прав, – повторил он. – Я ведь только один раз просканировал сознание этого мальчика. И не лез в его мысли. Там работал мозг одного человека. Но которого? Я ведь не уточнял! Взрослый Зверев вполне мог подчинить себя маленького, затолкать свое детство в подсознание. Или в любой момент вернуться в себя-ребенка, но так, что на первый взгляд это не будет заметно. То есть – мы не знаем, какие у него возможности, как он путешествует во времени. И вообще – мы так и не выяснили, что это – частный случай, именно – случай или подготовленная операция?

– Чёрт! – только и смог сказать генерал КГБ.

– Похоже Вы правы, товарищ генерал. Мы до сих пор не знаем, работает этот Зверев с нами или работает против нас? Ну, я имею в виду – против нашего государства. Ведь неиз-

вестно, что там сейчас в будущем? И какие у него здесь задачи? Нет, я понимаю, что мальчик настроен прокоммунистически, он это нам демонстрировал, но, судя по его настроениям, в его будущем не все так гладко, – Сафонов впервые высказал свои мысли по-военному четко и емко.

– Да, уж... Приплыли! – Леонов внезапно ощутил, как воротник форменной рубашки сдавил ему шею. – А ведь нас Зверев предупреждал... Про войну, которая грядет, про фашизм... Что произошло в его будущем? Чего он так боялся? Чего нам ждать?

– Мне кажется, я понял. Но надо еще раз будет мне с Валерием Валентиновичем посетить нашего вундеркинда... Мы не будем вторгаться в его мысли, но кое-какие возможности заглянуть туда – Сафонов выделил слово «туда» – у нас есть...

– Положение у нас безвыходное. Объект не в контакте, знаний у нас кот наплакал, сведений и того меньше, а время, похоже, работает против нас... Давайте еще раз проанализируем все, что нам известно, обсудим все «за» и «против», после чего я смогу принять определенное решение, – генерал-майор КГБ Николай Леонов встал из-за своего стола и не спеша стал прогуливаться по своему кабинету.

– Давай, Владимир Иванович, все с начала...

Глава вторая. Эффект Брэдбэри

Лучшее – враг хорошего. Как часто человек, неожиданно получающий какие-либо преференции – по работе или службе, в личной жизни или просто схвативший внезапно за хвост удачу и выигравший в карты или лотерею – не ценит то, что ему досталось. И не важно, на какой период – длительный или короткий. Не ценит, не бережет, не развивает. Любит, допустим, тебя кто-то – а ты этой любовью не дорожишь, терзаешь, грызешь периодически любимого человека. И в какой-то момент – фьють – и нет любви! Улетела! Или другой пример – не следишь за своим здоровьем, не заботишься о нем, а в какой-то момент, причем, часто, очень важный момент, оно, здоровье это – тебя и подводит. Мол, не берег – получи! А бывает два в одном – и здоровье уходит, и любовь, как следствие потери здоровья...

Вот так и целые народы – сотни тысяч людей не умеют ценить то, что у них было. Страну, правителей своих, политический строй, экономическое положение. Был СССР – ругали, мол, нет свободы. А как на смену развитому социализму пришел недоразвитый капитализм – так те же люди, которые ругали советский строй, поняли, как им хорошо жилось раньше. А все, поезд ушел, страны нет, бесплатные пирожные закончились...

Или совсем уже свежие примеры, когда сами люди разрушают свою страну, а построить новую не могут... И сами же на себя потом и злятся...

Впрочем, таких примеров не так уж много.

Пока не так уж много...

Львов, год 2016, 11 декабря

К своему телу Макс привык не так быстро, как хотелось бы. Точнее, к своему старому телу. Увы, это к хорошему быстро привыкаешь. А когда тело уже таскаешь 53 годочка, да еще попадаешь с ним регулярно во всякие передрыги – типа войны или военного переворота, то тело это, так сказать, немного портится. Поэтому свое уже потасканное тело Максим примерял на себя несколько дольше, нежели свое же тело, но 11-летнего пионера – в 1976 году. Куда угодил совершенно случайно в результате артобстрела под Авдеевкой, 17-го сентября 2016 года.

Тогда, после попадания в 1976 год, он быстро привык и к своему малому весу, и к удивительной легкости во всем теле, и к постоянной жажде активности. И к постоянному чувству голода, кстати, тоже. Действительно, тогда молодой организм все время рос, ему хотелось бегать и прыгать, энергия в нем бурлила и кипела. И есть хотелось постоянно. А что сейчас?

А сейчас снова пятьдесят три. И перспектив никаких...

То есть, снова 53-летний Максим Викторович Зверев, бывший журналист, а ныне – сержант армии ДНР, командир диверсионно-разведывательной группы «Стикс», лежит в госпитале после тяжелой контузии. И снова с ним его тело, его ранения, его травмы и все тот же его бесценный боевой опыт. Но – уже без молодого, точнее, юного мальчишеского организма. И, конечно же, снова с ним его время. Ну, то есть, не его прошлое, не его будущее, а его настоящее.

Хотя очень быстро Макс убедился, что его прошлое настоящее было все же немного другим, нежели нынешнее.

В первый же день после того, как Зверь очнулся в госпитале, то с удивлением отметил, что находится он почему-то не в Донецке или где-то рядом, в пределах Донецкой области, а во Львове. К тому же он отметил одну странность – его старое тело немного изменилось. Стало другим. С одной стороны, понятно – попал под обстрел. Этот факт обычно сильно меняет человеческие тела. Вот и у него на голове появилась вмятина, которой раньше не было. Только вмятина эта была не свежая, а очень и очень давнишняя. Как будто бы он заработал по голове еще в далеком детстве.

Максим напряг память и вспомнил, что такой случай действительно имел место быть. Но в его, так сказать, новом детстве. Не в том, которое у него было до его «попаданчества», а в том, которое пошло по новому пути – когда взрослый Максим Зверев внезапно оказался в теле пионера Максима Зверева.

«Получается, когда я пришел в себя – ну, когда моё сознание внезапно проснулось в моём детском теле, то история моей жизни начала писаться как-бы заново?» – спросил себя Макс.

Но ответа пока не нашел.

Хотя эту теорию подтверждали и некоторые другие детали. Например, пропали шрамы на его «старом», «допопаданском» теле – от пулевого ранения в грудь и от ножевого – в области спины. Не болели колени после старой травмы. Не было шрама над правой бровью от рассечения, которое заработал на одном из чемпионатов Украины по самбо. Зато был шрам над левой бровью.

«От того самого камня, после удара, которым и произошла рокировка сознания старого Зверева на нового. Точнее, нового на старого. Тыфу ты, общем, после этого удара я и попал в самого себя, только маленького!» – Зверь уже сам запутался, где следствие, а где причина.

Но самое главное – не его старое-новое тело. Самое главное – его настоящее оказалось вовсе не его. Точнее, не совсем таким, которое он покинул в момент артобстрела под Авдеевкой...

Львов, год 2016, 8 декабря

...Сознание возвращалось медленно. Даже, можно сказать, плавно. Точнее, постепенно. Вначале появился свет – как будто он, Максим Зверев, пытается сквозь сомкнутые веки подсматривать за окружающими. Через ресницы. То есть, видеть может – но не хочет. Потом появились звуки. Какие-то обрывки разговоров, какая-то музыка. Причем, ему показалось, что говорят на польском языке. Он даже не удивился этому, просто воспринял эту информацию, как должное. А уже потом появилось ощущение собственного тела. Точнее, ощущения. И они, эти ощущения совершенно его не радовали. Потому что были они совершенно иными, нежели тогда, в 1976 году, когда он внезапно пришел в себя.

В самого себя! То есть, когда он, Максим Зверев, внезапно очнулся в своем детском теле. В своем собственном прошлом. Тогда он, кроме боли в голове, куда долбанули ему камнем, ощущал поразительную легкость во всем теле, бурлящую в нем энергию, желание постоянно бежать куда-то, прыгать, что-то делать, причем, не обязательно что-то созидательное и полезное. А еще ему постоянно хотелось есть. Растущий детский организм, ага...

А теперь – совершенно другие ощущения. Тело ломит, как будто всю ночь мешки с цементом разгружал. Голова болит так, что хочется ее крепко-накрепко перемотать скотчем – а то разлетится. Рук-ног он не чувствовал – так бывает, если их «отсидишь». Ну, например, уснешь на руке, а потом поднять ее не можешь, как будто она – чужая. Или отмерла... Потом, конечно, мурашки, кровь возвращается в сосуды, но вначале – она как деревянная. Ну и вообще – Макс испугался ощущения своего тела.

Взрослого тела.

Потому что вдруг понял, что снова попал в самого себя. То есть – в свое время, в свой возраст, в свое взрослое тело. А, значит, он снова на войне и снова в госпитале. Поэтому он стал прислушиваться к своим ощущениям, чтобы понять – насколько серьезно он ранен или контужен. И здесь ощутил много всего непонятного.

Нет, с одной стороны, ощущения довольно-таки приятные. Например, забытая давным-давно эрекция. В своем детском теле Макс Зверев и думать-то забыл о том, что у него существует какое-то там сексуальное воспитание, и он далеко не зеленый пацан в плане общения с противоположным полом. Чего греха таить – много было у него женщин, пару раз был женат, есть дети. Но 11-летнему пионеру Максиму Звереву рано было про такое еще думать! Да не то, что думать – даже просто вспоминать о том, что есть мальчики, а есть девочки, и

чем они отличаются, Максим не мог. Не интересовало это ни его организм, ни его мозги. Хотя он хорошо все это знал. А зачем? Природой его половое созревание было намечено после 16 лет, поэтому какой смысл всех этих знаний для его еще сексуально недоразвитого и хилого одиннадцатилетнего тела?

А тут, как говорится, снова постоянная стойка смирно, вечно полдень и, что интересно, внезапно вспыхнувшее желание кого угодно, где угодно и как угодно. Нет, такое сумасшедшее либидо ему откровенно нравилось – за годы войны он как-то совершенно забыл о том, что он – мужчина, и что этот мужчина иногда должен общаться с женщинами. Причем, так сказать, в неформальной обстановке. В своем подразделении, где у него служили и женщины, Зверь подобных вольностей между бойцами не допускал.

«Здесь армия, а не бардак!» – любил он повторять своим подчиненным.

Мало того – его подчиненные женского пола и сами могли поставить любого ухажера на место. Ну, если перепутает, невзначай, боевые действия с постельными, а фронт украинский с амурным фронтом. Настя Кротова по прозвищу Стерва как-то раз преподала одному такому амурному «фронтовику» урок «хорошего тона» – выскочил он из ее палатки, как ошпаренный, визжа и зажимая рукой окровавленный зад. Видимо, Стерва успела-таки его своим тесаком пару раз полосонуть...

И вот внезапно его самого приперло. Да как! Пару раз заходили смазливые медсестрички – и он, прямо как гончий пес, делал стойку на них. И не только он, но и его, так сказать, организм... Вот только девушки почему-то щебетали по-польски, видимо, западэнки с самой границы, не иначе...

Однако несколько позже он стал понимать, что практически весь медперсонал госпиталя говорит только по-польски. И никто – по-украински. Или на великом и могучем. Это его насторожило...

И он стал проводить агентурную разведку.

Лежал Зверев в четырехместной палате, где, кроме него, находились еще трое бойцов. Точнее, бойцов было всего двое, а один – типичный «шпак», какой-то некомбатант. Как оказалось, у Зверя глаз – алмаз: «шпак» оказался оператором какой-то телекомпании, который снимал видео для выпуска новостей и угодил под артобстрел. Бывает...

Бойцы были не в состоянии разговаривать. У одного была разбита челюсть – осколком врезало, так что мог он, болезный, только мычать сквозь наложенную металлическую шину. А второй находился в очень пикантном положении – ему осколками посекло всю спину и задницу, так что лежал он только на животе и даже пошевелиться ему было очень больно. Так что не до разговоров. Поэтому источником информации мог служить только телеоператор. Но когда Зверь стал его расспрашивать о подробностях, с каждым словом своего, так сказать, коллеги он выпадал в осадок...

Как оказалось, он сам, Максим Зверев, был контужен вовсе не под Авдеевкой, а под Самбором – районом Львова, где шли ожесточенные бои во время... антитеррористической операции. Которую проводили вооруженные силы Украины против... Украинской повстанческой армии. Против УПА. С первых слов своего коллеги Зверь весь обратился в слух и старался сам ничего не рассказывать, ссылаясь на свою контузию.

Оператора звали Кирилл.

– Так ты, Макс, ничегошеньки не помнишь? Амнезия, говоришь? А что ты вообще помнишь? Ну, ты где сейчас? В какой стране?

– Ну, не в Советском же Союзе?

– Ха-ха, рассмешил... Союз уж четверть века как развалился... Ты что – не помнишь ничего после развала СССР? Не может быть!

– Да нет, помню я... Сарказм такой... Ну, конечно, помню я, что мы в Украине. Про Майдан помню, правда, частично... вот после Майдана вообще почти все снесло, куски только

помню... В Донецке и Луганске волнения помню... – Макс осторожно продвигался по скользкой теме, стараясь ничего лишнего не говорить.

– Та! В Донецке и Луганске – то так, легкий ветерок. Ну, побузили немного, но в порядке нормы. А вот на Западной Украине что началось... Склады стали захватывать с оружием, ментов разоружать, армию... Та, многие армейские части сами перешли на сторону сепаров! – Кирилл нашел себе объект для оттачивания своего ораторского искусства.

– Постой, почему сепаров? Разве они хотели отделиться от Украины? Зачем? Они ж Майдан замутили для того, чтобы наоборот, Украина вошла в Евросоюз! – Макс совершенно ничего не понимал.

– Так, давай с самого начала. – Кирилл воровато оглянулся. – В принципе, пшэки за нами особо не следят, а эти два «мычала» никому ничего не скажут.

Макс не понял, почему надо кого-то бояться, но, на всякий случай, зарубочку себе в мозг поставил.

– Так вот. Как все было? Да, они Майдан замутили, когда Тимошенко отказалась подписывать этот кабальный договор о Зоне торговли с ЕС. Там такого накрутили... Короче, Украине надо было по этому договору рвать все связи с Россией, наработанные все эти 25 лет. А у нас больше 80% промышленности на Российскую Федерацию ориентированы, мы им уголь, трубы поставляем, они нам – топливо для наших атомных станций, газ, электроэнергию. На фига нам с Россией все рвать? Для чего? Чтобы нам в Европе заблокировали рынки для нашего металлопроката или пшеницы? Чтобы квоты на нашу продукцию ввели? Короче, нам этот Евросоюз и в х... не вперся, понял? Ты же журналист, Макс, ты сам должен знать!

– Да я может, и знаю... точнее, про это я как раз знаю, конечно, сам статьи против этого ЗСТ писал. Только, насколько я помню, там Янукович что-то не подписал...

– Какой такой Янукович? Это какой-то чиновник там в администрации президентши нашей? Это ты журналист, я простой оператор, я кроме Юли или там Луценко этого алкаша мало кого знаю, тем более, из придворных всяких... – Кирилл хохотнул.

– погоди, так ты не знаешь, кто такой Янукович? А кто после Кучмы у нас президентом был? Разве не Ющенко?

– Ну, ясное дело, что стал Ющенко. Хотя должен был пройти в президенты министр внутренних дел, Кравченко. Но он как-то странно самоубился, потом Кирпа за ним, тоже, кстати, сильная фигура – ну, министр, который по железным дорогам, а – этот, министр транспорта, вот.

– Нет, это я все помню – и про дважды выстрелы в голову, и про такое своевременное самоубийство, – Макс ошарашено пытался соединить реальные факты его прошлого с этими, новыми фактами, получается, уже его нового будущего.

– Так вот, стал Ющенко, потом Юля его таки подсидела и на президентских выборах в 2010 году красиво выперла с кресла. Как Ющ ни пытался ее убрать – и досрочные выборы делал в парламент, и пытался коалицию разваливать, а не получилось у него. И вот как Тимошенко стала президентшей, так и началось... – Кирилл снова хохотнул.

– Что началось? – не понял Макс.

– Как что? Ты Юлю не помнишь? Популистка еще та. К тому же баба, да еще и на передок слабая! Она фаворитов меняла как перчатки! То у нее ее адвокат Власенко, то генерал бывший из КГБ Кожемякин, то вдруг нашла себе молодого депутата, как его там – а, Писаренко. Я так думаю, не зря Ляшко от нее сбежал и стал геем, ой не зря. Это ж как мужика надо было затрахать, что он с мужиками стал сношаться? – Кирилл довольно заржал.

– Да ты, Кирюха, прямо-таки репортер светской хроники! – Макс был поражен тому, что слышал.

И, главное, все факты практически совпадали с теми, которые были в его времени. Кроме, разве что, одного – Тимошенко в его реальности так и не смогла стать президентом Украины.

– Так вот, Юля свои газовые аферы продолжала крутить, о чем она там с Путиным добазарилась – никто так и не понял, но скидки на российский газ Украина получила серьезные. Это сразу укрепило позиции Тимошенко в стране, народ за нее стал горой – она же тарифы на коммуналку снизила, пенсии добавила. Ну, она и решила в Таможенный Союз с Россией, Белоруссией и Казахстаном кажись вступать. А договор с Евросоюзом похерить. Тут все и началось...

Так, больше слушая словоохотливого коллегу, Макс понемногу стал вникать в суть происходящего. И понял, что ему срочно нужен ноутбук с интернетом. Но пока что с этим в госпитале были проблемы. Кроме того, вообще все, что происходило здесь, ему очень не нравилось. Потому что было не совсем понятно, в качестве кого он, Максим Зверев, здесь находится. И кто он, собственно, такой?

С одной стороны, было видно, что госпиталь все же не военный, а гражданский – по медперсоналу, по врачам. Но охраняли его военные. Причем, военные... польские. Разговоры в госпитале велись в основном на польском языке. Украинский он почти не слышал. Разве что от одного из своих товарищей по несчастью – раненного в спину. Как оказалось, оба бойца были из... Украинской повстанческой армии. Которой командовал... Дмитрий Ярош. Тот самый, который в его прошлом возглавил бывшую УНА-УНСО, которая совершила рэ-брендинг и, объединившись с еще двумя националистическими радикальными партиями, превратилась в «Правый сектор». УПА-шников, хоть и лечили, но держали здесь в качестве военнопленных. Как, кстати, и его с Кириллом.

В первый день Макс только наблюдал. А поскольку никаких других источников информации, кроме Кирилла, у него не было, он снова стал задавать все новые и новые вопросы. И кое-что прояснилось.

Журналист-фрилансер Максим Зверев оказался в зоне боевых действий между УПА с одной стороны и Вооруженными силами Украины – с другой. Польские войска, хотя и вошли на украинскую территорию, в боевых действиях участия не принимали. Но на неоднократные напоминания официального Киева о том, что Польша вторглась на территорию сопредельного государства без приглашения, поляки отвечали, что обеспечивают безопасность своих граждан на украинской территории во время гражданской войны. Украина термин «гражданская война» не признавала, а использовала словосочетание «антитеррористическая операция». Вооруженные силы Польской народной республики стояли как бы на линии разграничения, типа, обеспечивая порядок, но при любом боестолкновении моментально исчезали и появлялись только после того, как стрельба заканчивалась. Ну и под шумок поляки не упускали случая «приголубить» воинов УПА, к которым у них были давние счеты еще с Великой Отечественной. Те, в свою очередь, называли пшэков захватчиками и, конечно же, «мочили» их так же остервенело, как и своих земляков-украинцев. Тех, которые не поддерживали Майдан и выступили против него.

И вот Макс, оказавшись прямо в самом пекле внезапно вспыхнувшего скоротечного боя между отрядом УПА и десантно-штурмовым батальоном, попал под артобстрел и был контужен. После чего в бессознательном состоянии подобран польским патрулем погружен на «таблетку» [«Таблетка», «буханка», «труповозка» – санитарный автомобиль на базе УАЗ 452 3741. Советский и российский полноприводный грузо-пассажирский автомобиль повышенной проходимости, производящийся на Ульяновском автомобильном заводе] и доставлен в госпиталь.

Узнав про себя такие нехитрые подробности, Зверь понял, как себя держать. И очень скоро это ему понадобилось...

Глава третья. Синдром господина Хлестакова

Все мы часто стараемся казаться вместо того, чтобы быть. Чтобы все время соответствовать своему положению в обществе, своей работе, своей внешности, своим любимым людям, своим мечтам, наконец. Может, конечно, нищий мечтать о принцессе, а Золушка – о Принце. Иногда бывает, как в сказке. Очень редко, но бывает. Но в массовое тиражирование сказки не поступают. И большинство среднестатистических граждан должны быть, так сказать, на уровне. Получаешь 300 долларов – не для тебя «Роллс-Ройс». А если у тебя при такой зарплате такая машина и все остальное, то очень скоро найдутся люди, которые поинтересуются несоответствием мечты и реальности.

Так что лучше все-таки соответствовать.

Но бывает ведь и так, что человек вроде бы во всех аспектах равнозначен и все у него ровно, а окружающие имеют свое мнение. Отличное от его собственного. И либо занижают, либо завышают планку для этого человека. И то, и другое одинаково неприятно, если не сказать грубее. Ты, к примеру, талантливый, одаренный, можно сказать, выдающийся, а тебя не замечают, затирают. Или, того хуже, унижают.

Или ты рядовой, такой как все. И вдруг в тебе видят лидера, героя, Вождя! А какой ты вождь? Картины рисуешь неплохо вроде. Или стихи пишешь. Или актер, снимаешься в комедийных сериалах, выступаешь на корпоративах. И вдруг – раз – и ты взлетаешь куда-то так высоко, что даже и не заешь, что с этим высоким своим положением делать. И не один ты, получается, а за тобой тысячи и даже миллионы людей. Что дальше? Реально вживаться в новую роль? Самого себя убеждать в том, что сможешь? А если нет? Если ты понимаешь, что на самом деле все не так?

Или не понимаешь, а не знаешь? И надо узнать?

Львов, год 2016, 15 декабря

Тип, вызвавший Максима к себе, меньше всего напоминал медика. А больше всего – скользкого и мерзкого слизняка. Только увеличенного до человеческих размеров. Противного, но очень опасного. Такая помесь слизняка и гремучей змеи. И, судя по всему, этот тип явно был из определенной конторы. Как там она у поляков называется? Двуйка? Дефендзива? Макс у нас приходили только какие-то книжные определения, потому что вот хоть убей – не помнил он, как в Польше называется госбезопасность.

– Всего лишь военная контрразведка, – гаденько улыбнувшись, сказал «слизняк». – Вы ведь сейчас гадаете, откуда я, правильно?

– Вы умеете читать мысли? – Макс был реально удивлен. Еще один экстрасенс, только уже в будущем?

– Нет, что вы, все гораздо проще – вы видите, что я не врач, и вопрос был написан у Вас на лице. Но, давайте к делу, пан журналист. *Mówisz po polsku? Nie? Cóż, tak myślałem!* [вы говорите по-польски? Нет? Ну, я так и думал!] Разрешите представиться – Марек Витковский, сотрудник Польского отделения Международного Красного Креста. Ну, это, сами понимаете, прикрытие. Итак, Максим Зверев, фрилансер, работающий в основном на российские издания, политический обозреватель, в журналистских кругах считающийся «тяжеловесом», то есть, работающий по весьма серьезным темам и весьма серьезным людям, внезапно поперся буквально на передовую. Зачем, спрашивается? Репортажик снять? Настрочить передовицу в какую-то газетку? Зачем такому опытному и достаточно высокооплачиваемому профессионалу так рисковать? Кстати, вы-таки получили на свою голову проблему – в буквальном смысле этого слова. Голова не болит?

– Вы знаете, с головой в порядке, болей нет. А вот что-то с памятью моей стало...

– ... «все что было не со мной – помню»? Кажется, так поется в одной советской песне о войне? – поляк ехидно ухмыльнулся.

– О, вы так хорошо знаете творчество Роберта Рождественского? – Максим был приятно удивлен.

– Я даже могу напеть мелодию этой песни – композитора Марка Фрадкина. Более того – я могу рассказать вам неприличный анекдот про этого композитора, – поляк улыбнулся еще шире и продолжил.

– «Песня промежность... простите, песня про нежность. Композитор Рак Маткин... простите, Марк Фрадкин. Исполняет сионист Пидоров... простите, пианист Сидоров». Ну, как, я вас удивил?

– Да, уж, не ожидал. Вас хорошо готовили.

– Противника надо знать, чтобы его побеждать. Польша готовилась воевать с Советами еще с того времени, как Россия внезапно перестала быть Российской империей, а превратилась в империю коммунистическую. У Пилсудского не вышло...

– ... и ни у кого не выйдет. Потому что и Пилсудскому вашему вошел советский хрен по самые гланды, и всем остальным, включая Адольфа Алоизыча, точно так же. И спереди, и сзади! По самое не балуй! – Макс внезапно разозлился на этого лощеного навозного жука.

– Тише, тише, ну чего вы так разнервничались. Вы же не россиянин, вы – украинец... – поляк не ожидал такого всплеска агрессии от Зверя.

– Я – гражданин Советского Союза. И горжусь этим. Украина – моя временная родина. Так сказать, арендую квартиру, пока дом на ремонте. Да и Украину вы, поляки, мечтаете захватить уже давно. Так что тот факт, что вы оккупировали Западную Украину...

– Мы вернули Польше Восточные Кресы – исконно польские земли! Никаких украинцев здесь никогда не было – были русины, которых Австро-Венгрия морила в концлагерях, а австрияки с венграми тысячами рубили, вешали, расстреливали. А ваши немногочисленные так называемые украинцы, которые до 1914 года называли себя русскими, помогали оккупантам убивать своих соотечественников. Впрочем, как всегда. Украинцы Гитлеру помогали против СССР, Сталину – против УПА, англичанам, немцам, румынам, нам, полякам, сапоги лизали. Вы, украинцы, гордый народ, пся крев! – Витковски тоже внезапно вышел из себя.

– Ну, это ты, польская морда, брешешь. Это галычане, выродки эти, помесь разных наций – румыно-чехо-словако-мадяро-поляки. Все эти гуцулы – непонятно кто по крови. Трахали их все, кому не лень, все, кто жил во все времена на тех землях начиная с Великого Княжества Литовского. Вот и выросла не нация, не народ, а сборище ублюдков. Своих же резали столько лет, начиная с Первой мировой, – Макс смотрел в глаза поляку и говорил все, что думал.

Но Витковски внезапно рассмеялся.

– Да, Максим Викторович, а вы украинцев не любите.

– Не украинцев, а галычан этих... Вот чего им не хватало? Украина в кои-то веки обрела государственность – спасибо коммунистам и персонально Ленину. В СССР именно Украина обладала самым мощным потенциалом, после развала Союза все у нее было – от сельского хозяйства до строительства космических кораблей. И за двадцать лет умудрились все просрать! А галычане эти памятники Ленину с постаментов поносили, коммунистов стали преследовать, объявили вне закона, запретили партию... Отблагодарили...

– Ну, не запретили – это же законодательно надо делать. Просто у себя в своих городах, которые подняли восстание против власти, да, запретили. Но не по всей же Украине. И пока что просто не дают коммунистам устраивать свои митинги. Но партию, как таковую, не запрещали... – Витковски удивленно смотрел на Зверева, пытаясь понять причины его злости.

– Да дело даже не в коммунистах. Вот на хрена надо было Майдан организовывать? Ведь по сути какое им, галычанам, дело, с кем Украина собирается договора подписывать? У них там 80% взрослого населения давно по Европе разъехалось, по стройкам, по полям, клубнику в

Португалии и Польше собирают, в Москве на стройках вкалывают, в Чехии и Словакии квартиры убирают, горшки выносят из-под стариков и на заводах машины собирают. Да мало ли, где все эти гуцулы – только не в Украине. Так какого хрена срать здесь? Не нравится в Украине – скатертью дорога, езжайте в свою Европу и не возвращайтесь! Так нет, начали здесь бузить!

– Так, кажется, я понял причины вашего недовольства. Ну, кроме того, что вы всегда были пророссийски настроены, вы считаете, что жители Западной Украины не имеют права выражать свою точку зрения, так? – поляк с интересом посмотрел на Максима.

– Свою точку зрения граждане Украины вольны выражать на выборах или референдумах. Есть у них такое конституционное право. А если они берут в руки оружие и начинают военные действия против представителей власти, то это называется мятеж, бунт, государственный переворот, – Зверь уже спокойно говорил, глядя Витковски прямо в глаза.

– Окей, как говорят наши друзья из Вашингтона, ваша точка зрения мне понятна. Но и нашу точку зрения вы должны понимать – на наших границах в соседней стране начинается гражданская война, да еще и на так называемых спорных территориях. Население этих территорий отказывается подчиняться властям и обращается за помощью к странам НАТО, в том числе и к нам. Польша, как вы знаете – член НАТО. Поэтому, естественно, наши вооруженные силы, а кроме того, ограниченный воинский контингент стран НАТО были вынуждены обозначить свое присутствие в зоне локального конфликта. Так сказать, сдерживающий фактор, линия разграничения, – поляк говорил и все это время внимательно смотрел на реакцию Максима.

– Все это понятно. Хотя частично я не все помню... Но то такое – контузия. От меня-то вы чего хотите? – Зверь действительно не понимал, куда клонит поляк.

– Ну, ладно, я не буду, как у вас говорят, тянуть кота за все подробности. Буду краток. Вы сейчас поправляйтесь, выздоравливайте, голову приводите в порядок. Вы не в статусе военнопленного или задержанного, как ваши соседи по палате – я имею в виду боевиков УПА. Вы журналист, лицо нейтральное. Поэтому после излечения вас передадут правительству Украины. Но мы с вами знаем, что вы не только или не столько журналист, сколько работник совсем другого фронта. Причем, не со стороны Украины. Мы за вами, Максим Викторович, давно наблюдаем. И хотя вы очень осторожны, и ваш статус в определенных сферах очень надежно прикрыт, но поверьте – профессионалы такого уровня разрабатываются спецслужбами не менее серьезно, нежели видные политики или государственные деятели. Поэтому вашему начальству – я имею в виду не главного редактора газеты или интернет-портала – вашему главному начальству вы должны передать некоторую информацию, – Витковски замолчал, ожидая реакции Макса.

«Если не знаешь, что делать – сделай шаг вперед!» Кажется, эту цитату приписывают самураям, хотя, по-моему, это сказал один американец, руководитель тренингов по личностному росту. Ну, что ж, шагнем...»

Макс для начала встал со стула. Поляк молча ждал. Зверь прошелся по комнате, заложив руки за спину, потом вернулся и снова сел на свой стул.

– Я не буду вам повторять десятый раз про контузию и потерю памяти. Можете, конечно, меня проверить, ну, вколоть чего-то, но результат вас разочарует... Тем не менее, я готов со всей серьезностью отнестись к тому, что вы мне готовы сообщить. И, если ваши сведения верны, то меня даже с моими провалами в памяти найдут те, кому вы хотите передать свою информацию. Так что валяйте, моя дырявая голова готова для загрузки, – Макс улыбался, но глаза его были серьезны.

– «В Китае когда-то был человек, который любил драконов, и поэтому украсил свою одежду и мебель изображениями этих существ. Увлечение этого человека драконами привлекло внимание драконьего бога, и вот однажды перед окном китайца появился настоящий дракон. Говорят, он тут же умер от страха. Должно быть, он был одним из тех, кто говорят

громкие слова, а на деле ведут себя по-другому». Это отрывок из книги самураев. Если точнее, это Ямамото Цунэтомо, «Собрание изречений мастера

Хагакурэ». Максим Викторович, вы, как истинный самурай, много лет занимающийся боевыми искусствами, можете оценить мою мысль. Можете говорить все что угодно, и я не буду подвергать ваши слова сомнениям. Сейчас вы – не передаточное звено, вы, скорее, звено в одной цепи. И мы знаем, что это за цепь и куда она ведет. Поэтому мы передаем скорее не информацию даже, а, так сказать, посыл.

– Я понял, понял. Куда же вы хотите меня послать? – Макс уже откровенно издевался, прощупывая поляка.

– Вас – никуда. А вот вам мы посылаем сигнал. Определенные люди в Польше недовольны тем, что нас хотят снова натравить на Россию. И новый виток расследования по Смоленску не нужен ни Польше, ни Качиньскому, ни Путину. И Европе все это не нужно, равно, как и все эти американские игры с запретами и санкциями. Польша уж очень много на этом потеряла и будет терять. И мы готовы закрыть глаза на то, что в польском руководстве снова возникнет желание куда-то лететь и что-то решать. Погоды сейчас бывают нелетные, а американские «Боинги» такие ненадежные. С другой стороны, постоянные неурядицы на территории нынешней Западной пока еще Украины – это такая головная боль, что Польша готова, скажем, на ближайшие 10 лет взять на себя эти проблемы. Я думаю, Украина и так почти потеряла эту территорию и ей не нужна новая кровь. Да и такая Украина сегодня мало кому нужна. И если Крым сегодня выведен за скобки, то не пора ли всю Украину вывести точно также, как и Крым, за такие же скобки? Чтобы там, чего доброго, тоже не начались майданы, а потом не возникли все эти добровольческие батальоны и повстанческие армии. Опять же, газопроводы, нефтепроводы, атомные станции – все это игрушки, которыми сегодня опасно играть дилетантам от политики. Вы меня понимаете? – Витковски уже не улыбался.

«А ведь он меня вербует!» – подумал Макс. – «Причем, умело и со вкусом»

– Раз вы так хорошо знаете своего противника – а Россия после СССР стала вашим противником, не так ли? – то позвольте мне ответить цитатой из нашего советского культового фильма, – Зверь улыбнулся и, наблюдая за реакцией своего визави, продолжил.

– «Как я вас перевербовал – за пять минут и без всяких фокусов». Это цитата из фильма «Семнадцать мгновений весны», думаю, смотрели. Так вот, я с вами вполне согласен по сути – от Западной Украины во все времена только один был профит: карпатские леса. И те сегодня браконьеры безбожно вырубают. А ЕС требуют отменить мораторий на продажу карпатской древесины. А весь головняк от западнцев выливается в конечном итоге в майданы и, как сейчас, в войну. Так что лично мое мнение – соскучились все эти «нерабы» по плетке польского хозяина. Но это – лично мое мнение. И если мне будет предоставлена возможность передать его, как вы говорите, по цепочке, то я – с радостью.

Максим откинулся на спинку стула и сделал жест, как будто бы отдал подачу в пинг-понге на поле соперника. Поляк понимающе ухмыльнулся.

– Ну, собственно говоря, лично я и не сомневался. Но и у меня есть начальство, я ведь не последнее звено в нашей цепи, – Витковски щелкнул пальцами. – Итак, Максим Викторович, мы с вами поняли друг друга. И мы со своей стороны окажем вам всяческое содействие. Тем более, что, думаю, вы попали в поле зрения не только наших друзей, но и ваших врагов. По мере возможности, мы постараемся вас подстраховать и уберечь от различных... гм... случайностей. Знаете, на войне бывает всякое, и не только случайный артобстрел может стать причиной гибели какого-то журналиста. Есть еще и шальные пули, и шальные люди... Поэтому мой вам совет – старайтесь пока что за пределы госпиталя не выходить. Даже гуляя во двореке, почаще смотрите вверх – вдруг кирпич какой упасть вздумает, и по сторонам – вдруг машина какая управление потеряет. Наши люди, конечно, будут смотреть в оба – так, кажется, у рус-

ских говорят? Но сами понимаете, никто не застрахован ни от чего. На войне – как на войне, правда? Я еще чем-то могу вам помочь?

– Да, Вы знаете, пан Витковски, мне бы ноутбук с интернетом, а то, понимаете, отстал от событий, надо быть в курсе новостей...

– Само собой, пан журналист, само собой. Томаш! – Витковски крикнул внезапно кому-то, кто, видимо, ждал за дверью.

В кабинет сразу же вошел... старый знакомый Макса – польский журналист Томаш Мацейчук. Он в исторической параллели Зверева был завсегдатаем российских ток-шоу, посвященных проблемам Украины или Польши. Тогда он был ярким русофобом, но и на Украину гнал не по-детски. Каков этот тип здесь?

– Томаш, ты, вероятно, не знаешь в лицо пана Максима Зверева, но его фамилию встречал? Знакомить вас не надо? – Витковски вопросительно посмотрел на вошедшего.

– Нет, пан Марек, знакомить нас не надо, – неожиданно ответил Макс. – Я пана Мацейчука прекрасно знаю, видел неоднократно на разных ток-шоу.

– На каких это ток-шоу? – удивленно вскинулся Витковски.

– Пан Максим что-то путает. Да, конечно, я не раз читал его аналитику, смотрел интервью с ним, особенно во время и после Майдана, но вот по поводу моей скромной персоны... Не заслужил я еще такой чести – на ток-шоу выступать... Даже на польском телевидении... Вы, пан Максим, меня не перепутали ни с кем? – Мацейчук выглядел непритворно удивленным.

«Так, видимо и здесь в этом историческом отрезке кое-что изменилось и этот журналюга не достиг тех карьерных высот, которые были у него в моем времени», – Зверь понял, что снова прокололся и надо как-то выгребать.

– Возможно, я вас, пан Мацейчук, с кем-то спутал. Голова немного не соображает... Ну, то есть, воспоминания наслаиваются друг на друга... Я помню, что какой-то польский журналист постоянно выступал на российских телешоу... – Макс стал отыгрывать назад.

– Аааа, Вы, Максим, наверное, Якуба Корейбу имеете в виду? Да, он жил в Украине, потом его оттуда выслали, он работает в МГИМО, живет в Москве и как раз он часто бывает на российских телешоу. Томаш – он блогер, он интернет-звезда, кстати, вел репортажи с Майдана, потому вы его и видели... – Витковски расслабился, хотя поначалу было насторожился.

– Я, пан Максим, пока что звезд с неба не хватал, но служу своей Ойчизне там, где могу принести ей наивысшую пользу. Как и вы, – Мацейчук с вызовом произнес последнюю фразу, глядя прямо в глаза Зверю.

– Так, брэк, горячие финские парни. Успеете еще поругаться. Томаш, предоставь своему коллеге ноутбук с доступом в интернет. Только не с латиницей, чтобы шрифт был русский. Ну и, если понадобится, проконсультируй по отдельным вопросам. Пан Максим после контузии имеет провалы в памяти, окажи любезность, восстанови некоторые пробелы. Ну и, сам понимаешь, будь рядом. Все понял? – контрразведчик почти приказывал.

– Так есть! Будет исполнено. – Мацейчук тоже вроде не шутил.

– Томаш, извини за любопытство, можно нескромный вопрос? – не утерпел Макс.

– Слушаю, коллега, – в ледяном тоне «коллеги» слышался совсем иной подтекст, так обычно говорят «я тебя сейчас удавил бы».

– Ты вроде блогер, журналист и все такое. А тут вот не журналистика, а спецслужбы. У тебя какое звание, коллега? – слово «коллега» Зверь выделил особо ехидно.

– Звание в нашей службе нужно заслужить. И получить соответствующую подготовку. Мы просто так звезды или орлов на погоны не вешаем. И погоны не раздаем гражданским лицам. Томаш – наш внештатный сотрудник. Он возглавляет нашу пресс-службу в полевых условиях. То есть, во время боевых действий он, как это в Украине говорят – наш «речник». Озвучивает, так сказать, официальную версию польского Красного Креста. Ну а про остальное, я думаю, мы промолчим. Вы профессионал, сами все понимаете. Кстати, вам подобный вопрос

ни я, ни Ваш коллега задавать не будем, – Витковски вернул подачу, точно так же ехидно выделив слово «коллега».

– Ну, что ж, мы все друг друга поняли, вы, Максим, идите к себе в палату, лечитесь, Томаш обеспечит вас всем необходимым. К медперсоналу, лекарствам, к лечению – есть претензии? Что-то надо поменять? Соседи по палате устраивают? – Витковски снова был сама любезность.

– Нет, спасибо, все хорошо. Насчет лечения своего я еще не совсем в курсе, но в целом мне все нравится. – Макс действительно был всем доволен. Украинские госпитали и вообще, все лечебные заведения серьезно отставали от того уровня, который предлагали поляки.

– Тогда не смею вас задерживать. Выздоровливайте, мы за эти пристально будем следить и помогать вам всем, чем можем, – польский спец снова говорил с каким-то подтекстом.

«Ага, где хочешь, говорит, найду и горло перережу» – вспомнил Зверь подходящую цитату из «Джентльменов удачи»* [художественный кинофильм, снятый режиссером Александром Серым по сценарию Георгия Данелия и Виктории Токаревой на киностудии «Мосфильм». Лидер советского кинопроката в 1972 году – свыше 65 миллионов зрителей. Один из самых популярных советских кинофильмов, многие фразы из которого стали крылатыми].

Но надо было собирать мысли в кучку. И пока не было интернета, Макс вышел погулять в больничный дворик и попытался провести первичный анализ той информации, которая у него оказалась.

Он сразу понял, что поляки принимают его за какого-то важного человека. Точнее, скорее всего, на самом деле таким человеком и является. Просто ни хрена об этом не знает. Судя по всему, здесь журналист Максим Зверев не стал военным, он не сержант армии Донецкой народной республики, которой, видимо, вообще нет, а сотрудник какой-то спецтуры. Какой? Не СБУ же? То есть, журналист – это прикрытие? Так, а если он – сотрудник спецслужб, то уж точно не сержант. Вон как поляк расстился перед ним. Ладно, поставим зарубку и пойдем по фактам.

Итак, судя по всему, президентом Украины все-таки стала Юлия Тимошенко. Майдан в 2013 году был. И как в его Украине, здесь тоже застрельщиками, точнее, основным пушечным мясом были жители западных областей Украины.

«А вот интересно – если Юля стала президентом, а в другой реальности именно ее партия «Батькивщина» была ядром оппозиции и основной руководящей силой киевского Майдана, то кто здесь рулил боевиками? Кто «Самооборону» создавал?»

Макс отложил эту мысль на потом и стал сопоставлять другие факты.

Получалось, что договор о зоне свободной торговли – ЗСТ – из-за которого, в принципе, и начался Майдан, в этой исторической реальности тоже стал отправной точкой переворота. Макс уже четко осознавал, что попал совсем в другую Украину, точнее, на другую развилку. И неизвестно, в каком месте произошло ответвление, и страна покатилась в другом направлении.

«Хотя, нет, почему в другом? Майдан был, гражданская война, которую называли АТО – вот она. Разве что как бы все наоборот – восстал не Донбасс, а Галычина. И не Россия вторглась в Украину, а Польша. Точнее, не вторглась – в прошлой реальности Россия помогала оружием, добровольцами, гуманитаркой, но армия российская в боевых действиях не участвовала. Не считая «северный ветер». А тут поляки все же вошли на территорию Украины, пусть и под эгидой НАТО» – Зверь отметил нестыковки и различия двух Украин.

И снова было непонятно – он попал в свою реальность, или какую-то параллельную? Если в параллельную, то почему? Что послужило причиной? Тогда, попав в 1976 год, он так и не нашел никаких признаков того, что реальность была параллельной – все обстояло точно так же, как и в его детстве. Все было точно такое же – Советский Союз, КПСС, пионеры, школа, учебники, даже школьная программа – все то же самое. И КГБ с милицией такие же, и цены, и продукты, и вкус мороженого – все точно такое же. Так что там параллельности никакой

не было. Получается, он, Максим Зверев, попав в свое прошлое, что-то в нем изменил? И это «что-то» здесь, в Украине, развернуло новейшую историю вот таким причудливым образом?

«Ладно, будет ноут с интернетом, попробую проследить, где там была точка бифуркации», – Макс, гуляя в больничном двореке, снова стал сопоставлять факты и прокачивать доступную информацию.

«Итак, Майдан состоялся, но был подавлен. То есть, Тимошенко оказалась большим мужиком, нежели этот громила Янукович. Которого здесь почему-то никто не знает. Так, первая зарубка есть – отсутствие Яныка. И после того, как разогнали Майдан, волнения начались не на Востоке, а на Западе. То есть, все с точностью до наоборот. Интересно, а есть ли здесь так называемые добровольческие батальоны?»

Эту мысль Максим Зверев додумать не успел, потому что внезапно увидел, как два польских солдата выводят из приехавшей «таблетки» очень знакомого ему типа. Это был Тарас Мазур по прозвищу Тополя. Тот самый, которого он расстрелял под Донецком в 2015 году....

Глава четвертая. Мертвые иногда возвращаются!

Все мы постоянно меняемся. Все люди имеют свойство с самого рождения усвершенствоваться, как некие саморазвивающиеся механизмы. Так устроено природой, и даже самые тупые и ограниченные особи хоть в каком-то аспекте развиваются. Ну, даже в соревнованиях уличной плесени «кто дальше всех плюнет» усматривается хоть какое-то развитие. А вообще-то, если одни тренируют свой мозг, то другие – мышцы, третьи – нервы, а четвертые – потенцию. Тренируют и развивают. Но это то, что как бы лежит на поверхности. То, что сознательно человек, пускай даже самый примитивный, хочет развивать и развивает, кстати, иногда, даже вопреки своему желанию. Вернее, желание-то у него есть – например, выжить. Если там, война, или нападение, или просто какая-то катастрофа резкая. И человек внезапно обнаруживает в себе такие способности... Прыгает через двухметровый забор, бежит со скоростью гепарда, дерется, как сто чертей.

А есть ведь еще и подсознание. И подсознательно люди меняются гораздо чаще и гораздо глубже. Стоит только начать – сразу пошло, поехало. Главное капать на подсознание по чуть-чуть, понемногу. Но постоянно. И в результате – то Аум-Сенрике, то всякие там «Комитеты спасения Истинного Бога», то просто фанатики религиозные любых концессий. Или фанатики политические. Или просто помешанные на чем-либо. Нет, есть, конечно, и более положительные моменты – всякие там последователи йоги, здорового или раздельного питания, голодания, какого-либо секса или воздержания от него. Неважно. Просто все это пришло как-то людям в голову. И не сразу ведь, правда? Кто-то же когда-то внушил им это все? А как? Вот-вот...

Но иногда человек даже не помнит, откуда и как он что-то получает в себя. Хорошо, если потом из этого не рождается что-то очень важное. А если рождается?

И если это не истина?

Все еще Львов, год 2016, 15 декабря

К себе в палату Максим пошел не сразу. Хотелось проветрить мозги, подышать свежим морозным воздухом. В первую очередь надо было проанализировать факты, которых собралось уже достаточно. Уже то, что он встретил здесь живого и здорового Тараса Мазура, говорило о том, что он вернулся не в то же самое время, из которого его швырнуло в прошлое, а в совершенно другое. Вернее, по летоисчислению был тот же 2016 год, из которого он внезапно попал в год 1976-й и теперь вот вернулся обратно.

Вот только события в этом году и в этой Украине идут несколько в другом направлении. Можно сказать, даже в некотором роде наоборот – вместо Востока восстал Запад, вместо войны с Россией – война с Польшей. Ну, как война... Война здесь одна – гражданская. Восток против Запада, как, в принципе, было и в его времени. Ивано-франковские, тернопольские и львовские рагули и жлобы против донецких и луганских шахтёров. Это если так, вкратце. Понятно, что и среди западэнцев было немало хороших, правильных парней, и среди жителей Донбасса нашлось много подонков. Не местность определяет качества человеческие. И не география делает из человека мразь. Но, тем не менее, в первом варианте Украины почему-то именно подонки и мрази оказались в этих так называемых «добровольческих» батальонах. Именно все эти «правые секторы», «киевские руси» и прочие батальоны «Днепр-1» или «Киев-1» насиловали, убивали, пытали и грабили. Как, впрочем, много лет назад батальоны СС «Браденбург» или «Мюнхен». Интересно, а как сложилось здесь? В этой реальности? И почему, интересно, она изменилась?

Надо было собирать мысли в кучу. И пока не было интернета, Макс вышел погулять в больничный дворик и попытался провести первичный анализ той информации, которая у него оказалась.

Хотя было начало декабря, морозы еще не ударили. Снежок припорошил землю, которая порою выглядела внезапно поседевшей, но до настоящих сугробов еще было далеко. Солнце уже не грело. Правда, светило достаточно ярко, что радовало глаз. Да и небо пока не затянуло серой мрякой, не напрягало той свинцовостью и не нависало над головой неотвратимостью мрачной перспективы холодов, соплей и сракопадов. Нет, зима, конечно, имеет и какие-то положительные моменты – тот же Новый год или катание на лыжах или коньках. Но пока еще были живы воспоминания о теплых деньках, не хотелось напоминать иногда тварь дрожащую и шмыгающую сопливым носом.

Поэтому нынешнее начало декабря не могло не радовать. Будь потеплее градусов на пять, можно было даже и не набрасывать на себя теплый бушлат, чтобы выйти на прогулку. А гулять надо обязательно, тем более, после контузии. Да и на свежем воздухе думалось гораздо легче. Но поскольку, как говорится, на улице был не май месяц, Максу все же пришлось утепляться, чтобы проветрить, а не застудить мозги. Или еще какую часть своего организма. Которому прогулка явно шла на пользу.

Гуляя, Максим наблюдал за движением в больничке и вокруг нее. В принципе, особой суеты не было – все же военный госпиталь. И, судя по всему, он находился под бдительным надзором польских спецслужб. Понятно, почему: если в его палате лежали двое из так называемой УПА – украинской повстанческой армии, то, вероятно, еще есть подобные «клиенты». Интересно, зачем они здесь, в польском госпитале?

На обмен? Или вербовка? А, может...

– Судить их будем, – внезапно раздался сзади чей-то знакомый голос.

Макс резко обернулся, ругая себя за утрату бдительности – все же контузия давала о себе знать. Сзади, неслышно подобравшись, как кот, стоял и улыбался все тот же пан Марек Витковски. Рядом с ним переминался с ноги на ногу какой-то увалень с широкой мордой деревенского простачка. Только если бы кто повнимательнее взглянул на этого «простачка», то сразу бы отметил его цепкий взгляд, собранное, как перед броском, весьма крепко сбитое тело и сильные предплечья, что выдавало в нем бойца-рукопашника. А когда увалень сделал пару шагов в сторону, Макс автоматически отметил плавные и почти незаметные перемещения этой «деревенщины».

– Прошу меня простить, пан Максим, я решил, не откладывая, как у вас говорят, в долгий ящик, представить Вам вашего друга на ближайшие несколько дней. Знакомьтесь, это Януш Пшимановский, он же просто Янек.

– Дзень добри, пан Макс. Выбач ми бесцельна интэрвенция, алэ служба... – Янек тоже улыбался, но глаза его оставались холодными.

– Янек побудет рядом, как я предупреждал, могут быть некоторые, скажем так, неприятности. Вот он их и будет предотвращать, – Витковски был сама любезность.

– Ну, что вы, панове, я только рад. К тому же пан Пшимановский поможет мне восстановить в памяти некоторые подробности – политические события, новости, какие-то детали, которые я, увы, пока не могу вспомнить... Сами понимаете, контузия, с головой у меня пока не все в порядке, – Макс говорил извиняющимся тоном, хотя ему-то как раз извиняться было не за что.

«Но пусть – поляки привыкли мнить себя панами, так что лишний раз шаркнуть ножкой не трудно. Корона не упадет, а этот жук Витковски не будет лишним раз доставать», – Макс решил быть максимально любезным с контрразведчиком.

– Кстати, Янек вам принесет и ноутбук. Просто вначале проводит вас в вашу отдельную – Витковски сделал ударение на слове «отдельная» – палату, где вам, несомненно, будет и удобнее, и безопаснее.

– Простите, а что мне, украинском журналисту, может угрожать здесь, в польском госпитале? Тем более, под эгидой Красного Креста? – Зверь искренне был удивлен.

– Поверьте, на войне всегда много сюрпризов. Тем более, если война гражданская, – Витковски продолжал улыбаться, но улыбка у него получилась несколько натянутой. И сразу продолжил.

– Так вот, чтобы вы, пан журналист, не строили догадки, я сразу вам открою все наши тайны. Ну, почти все. Ваши бывшие соседи – вы же переселяетесь, не так ли – так называемые члены незаконных воинских формирований. Они называли их по-старому – УПА, Украинская повстанческая армия. Так когда-то назывались банды украинских националистов, которые в годы второй мировой войны проводили этнические чистки польского населения на территории бывших польских земель, которые после 1939 года и позже стали территорией СССР. Так же все эти «повстанцы» убивали солдат Красной Армии, которая позже стала армией советской. Ну, и всех своих соотечественников, которые сотрудничали с Советской властью. И которые представляли в городах и селах эту самую власть. Некоторые источники говорят о том, что УПА сражались и с немцами, то есть – с нацистами. Но в основном эти банды в годы второй мировой войны, которую в СССР называли Великой Отечественной, как раз наоборот, входили в состав именно нацистских воинских частей. Даже больше – украинцы из националистических формирований были в составе частей СС. Была целая украинская дивизия СС «Галычина». Еще эти украинские нацисты воевали друг с другом. У них были два лидера – Степан Бандера, кстати, агент германской разведки «Абвер» и Андрей Мельник, из бывших сечевых стрельцов. Кстати, тоже сотрудничал с абвером. Был еще один лидер – Евгений Коновалец, глава организации украинских националистов – ОУН, еще с Петлюрой начинал. Но его в 1938 году ликвидировал НКВД. ОУН возглавил Мельник, но Бандера, как это традиционно полагается у этого националистического быдла, создал свою ОУН. И эти две организации воевали друг с другом. Одним словом, где два хохла – там три гетьмана.

– Спасибо, пан Витковски, но историю Украины я знаю неплохо. И различаю мельниковцев и бандеровцев. Хотя, как по мне, и те мрази, и эти. Но зачем вы мне это рассказываете? – Макс был искренне удивлен – и познаниями поляка, и мотивом его исторического экскурса.

– Я просто, пан журналист, еще раз подчеркиваю незаконную сущность банд этой так называемой УПА. Они же не сечевыми стрельцами себя называли, те хоть армией были настоящей, воевали с нами – с Пилсудским. А «повстанцы» – что те, что эти – отсиживались в скронах или карателями в шуцманшафт батальонах, расстреливали евреев, например, в Киеве. А также боролись с партизанами – в Украине, Белоруссии, Югославии. Кстати, Хатынь сожгли тоже эти... «повстацы»... Так вот, современные «воины УПА», как они себя называют, ничуть не лучше. Грабят, насилюют, убивают... Мародеры они, а не воины. И бандиты. Но все же какая-то их часть может и воевать. Но как воевать? Они ведь не столько с украинской армией воюют, сколько с мирным населением своих же городов... Входят в город и оттуда стреляют из орудий в сторону ВСУшников. А те – отвечают. В результате вместо города – развалины. И десятки, а то и сотни трупов гражданских. Детей, женщин, стариков. Вот поэтому мы всех этих «повстанцев» судим. Тех, кого удалось живыми в плен взять. Потому что и украинские солдаты их в плен почти не берут, и местные жители на них очень злы. Если те попадают к местным, те их просто рвут... – контрразведчик внимательно смотрел на Макса, пытаясь разгадать, какие эмоции у того сейчас в душе.

– Ну, мне в целом понятно... Судя по Конституции Украины, все эти формирования УПА являются не только незаконными, но и преступными. Если они воюют с мирным населением, то они – военные преступники.

– Вот за это мы их и судим... Ну, как мы, – спохватился Витковски. – Военно-полевой суд ограниченного контингента сил НАТО. В исключительных или особо важных случаях отправляем некоторых в Международный Трибунал. Но это – в особых случаях. Если такие вот «воины» могут дать показания и свидетельствовать о преступлениях этой нео-УПА. Вот как раз ваши соседи и будут после излечения командированы нами в Гаагу. Один артиллерист,

имеет таблицы стрельб с целеуказателями, где, между прочим, целями обозначены школа и больница. А второй – снайпер, документально зафиксировано, что он вел стрельбу по мирному населению в момент эвакуации...

– Цо тен вахлак...тэ гнидэ застчелила кобиета з детским... – Янек встрял в разговор.

Витковски красноречиво глянул на подчиненного и тот увял.

– Янек прав – эта пся крив стрельял по женщинам с детьми. Специально, потому что солдаты бросались их спасать, и он тогда стрелял по военным. Мои хлопцы еле того вахлака оторвали от гражданских. А то его бы забили просто... Кобеты... Женщины ногами его топтали и рвали просто на части... Он говорит – осколком ранен? Спину и задницу посеколо? Ага, конечно! Каблуками ему задницу посеколо и спину. Просто по нему женщины потоптались славно да пару раз солдаты прошлись. Но то так, прошло, теперь будет рассказывать о том, что на самом деле эти бандиты творят, – Витковски посмотрел на часы.

– Но как там у вас говорят – птаха не годуют казками?

– Нет, у русских есть пословицы – соловья баснями не кормят. Украинцы говорят по-другому: «Слів густо, а в животі пусто». Согласен – пора бы и подкрепиться. Причем, хотелось бы утолить и информационный голод тоже, – Макс намекнул на обещанный ноут с интернетом.

– Я помню, помню, Томаш уже все нашел, сейчас Янек вас проводит и принесет все нужное. Здесь у нас вай-фай, пароль получите и пользуйтесь. А я сейчас пойду, займусь кое-какими делами, к нам гости пожаловали, – Витковски стал прощаться.

– Гости – это часом не Тарас Музур, псевдо – Тополя? Заместитель главы «Правого сектора»? – в лоб задал вопрос Зверь.

Вопрос практически ударил польского контрразведчика, что называется, под дых. Тот аж дернулся от неожиданности, хотя обладал отменной выдержкой.

– А вот с этого момента можно подробнее? Откуда вы, Максим, знаете этого... Нет, я понимаю, вы журналист, но Мазур не так часто светился, как его шеф Ярош, – в глазах у Витковски светился прямо-таки неподдельный азарт.

Как же – внезапно нашелся тот, кто знаком с функционером из УНА-УНСО, которая превратилась в «Правый сектор». А «Правый сектор», видимо, и в этом отрезке украинской новейшей истории натворил немало...

– Ну, подробно не могу, я не очень хорошо знаю Тополю, пару раз встречались. Но поговорить с ним было бы интересно, – дипломатично ответил Зверь.

– Чудовние! Немного пужднее мы устроим вам встречу, так сказать, будете брать интервью. Но не сейчас, домовились? – видно было, что поляка посетила какая-то идея.

– Нэма пытань! Домовылысь! – по-украински ответил Макс.

В новую палату он пошел, так сказать, налегке. Все равно вещей своих у него не было – видимо, форму или что там на нем было, сдали на хранение в кладовку или в стирку отправили, а мобильник или какие-то другие гаджеты или у той же контрразведки, или им амбец случился. Артобстрел – это ж не шутка.

«Кстати, надо спросить у этого контрика – где моя мобила? Если она есть – то смогу по адресной книге пробежаться, кто там у меня в ней? Сразу станет понятно, что от старого времени осталось, а что по-новому пошло... Ну и счас в интернет залезу, сразу все будет ясно...» – Макс, наметив план действий, немного оживился.

Янек следовал за ним, как тень. Но как только они вошли в лифт, чтобы подняться на два этажа выше, он встал к двери лицом, жестом показав, что выйдет первым. И после того, как они вышли на третьем этаже, пошел впереди, одновременно показывая путь и как бы заслоняя охраняемое лицо.

«Судя по всему, личником [личный телохранитель] долгое время работал, грамотно прикрывает», – успел подумать Зверь.

Успел – потому что как раз дошли до поворота коридора, где все и началось...

...Первый удар Янек успел отразить. Видимо, чисто на рефлексх. Нападавший, скорее всего, хотел сработать бесшумно – все-таки, госпиталь, тишина, шуметь нельзя – поэтому нож был направлен точно в сердце. Поляк успел повернуться в сторону и лезвие вошло в мощный бицепс. Янек моментально правым боковым отправил нападавшего в лучший из миров – судя по тому, как тот упал головой вперед.

«Или глубокий нокаут, или писец пацану...», – промелькнула мысль в голове Зверя.

Промелькнула – потому что мыслям уже ни времени, ни места не было, работали только рефлексы. И чтобы остаться в живых, надо было полагаться только на них. Думать можно будет потом – если будет чем. Потому что, судя по всему, четверо неизвестных пришли за его, Максима, головой. И всерьез готовы были ее оторвать.

Второй нападавший – громила в камуфляже с маской-«балаклавой» на голове – выдвинулся сразу же из-за спины своего коллеги, который так неудачно нарвался на кулак Янека Пшимановского. В обеих руках этого бугая было по ножу, и он их достал не для понта – по тому, как он двигался и как держал в руках клинки, сразу видно было профессионала. Но Пшимановский тоже был профессионал. Потому что не стал затевать, как в шпионских боевиках, какой-то танец с саблями, а левой (раненной!) рукой откуда-то моментально выудил что-то маленькое, но огнестрельное. Прозвучало два сухих таких кашля – и «кин-конг ножевого боя» из вертикального положения моментально перешел в горизонтальное. Причем, видимо, навсегда.

Беда всех профи в том, что они одинаково подготовлены. В смысле – стандартно мыслят и стандартно действуют. Поэтому сразу же в ответ на огневой контакт, предложенный охранником Максима, нападавшие поддержали его предложение аналогичным способом. Янек успел только заслонить своим могучим организмом своего подопечного, но не успел даже перебросить свой пистолет в правую руку. Было вообще удивительно, как он смог стрелять с левой после удара ножом, ведь из руки хлестала кровь. Наверное, именно в первые секунды, находясь в шоковом состоянии и не успев почувствовать боль, Янек успел достать оружие и выстрелить. Но такие чудеса проходят лишь раз и в следующие несколько секунд во лбу поляка возникла аккуратная маленькая дырочка. И, следуя закону «действие равно противодействию», Пшимановский медленно завалился назад. Вряд ли его лоб смог противостоять пуле.

После этого счет пошел на секунды.

Позже Макс, как не пытался, не мог вспомнить подробно, что и как он делал. Ему здорово помогли следователи, которые пару часов колдовали в коридоре и буквально обнюхивали каждый сантиметр госпитальной территории. Какие-то воспоминания потом он смог достать из мозга. Но в целом картинка боя напоминала смазанное фото, когда фотоаппарат щелкнул какого-то бегущего или быстро едущего человека.

Оставшиеся двое нападавших были вооружены. Причем, не ножами или пистолетами – у обоих в руках находились компактные АКС-74У, автоматы, прекрасно подходящие для стрельбы в упор. На расстоянии более 100 метров эти кургузые недомерки давали очень низкую кучность и рассеивание происходило по принципу «куда Бог пошлет». Но на 10-30 метров они прошивали насквозь даже бронежилет, правда, только 1-2 класса защиты.

Судя по всему, после выхода из строя двоих своих коллег их намерения взять живым Максима Зверева, если и присутствовали ранее, то моментально подверглись серьезной корректировке. Именно это объяснили следователям многочисленные пулевые отверстия в стенах того участка больничного коридора, где пришлось пересечься Макс и несколькими очередями из двух автоматов.

Хоть убей, но Зверь не смог вспомнить, каким образом он умудрился уйти от выстрелов практически в упор. Причем, не от одиночных – оба нападавших выпустили в него по пол-рожка. Но момент столкновения он запомнил совершенно четко – он свалился на своих противников прямо с потолка. Как позже пояснили ему те же польские следователи, он сумел в

прыжке оттолкнуться от стены, причем примерно на уровне полутора метров и оттуда уже атаковать нападавших. На побелке были видны следы его ног. Как он это сделал – Макс не помнил. Были догадки – вначале он прыгнул на подоконник, а уже оттуда – на стену, такой себе трюк в стиле Джеки Чана средней сложности. Но одно Зверь помнил совершенно четко – раньше он подобных трюков не делал. И каким бы крутым рукопашником он не был, но один с голыми руками против двух автоматов никогда бы не попер. Впрочем, выбора в тот момент у него не было...

Одним словом, после его головоломного прыжка было всего два технических действия – прыжок на шею одного автоматчика, естественно, с одновременным ее скручиванием до положения неестественной выворотности, и выстрел из «одолженного» АКС-74У во второго стрелка с одновременным приходом в негодность его цветущего организма. Плюс реки крови, брызги мозга из разлетевшихся голов нападавших и прочие неприятные для врачей и случайных больных последствия этого, без сомнения, террористического акта.

Честно говоря, Макс даже не успел как следует испугаться. Все прошло очень быстро, и судя только по обрывкам воспоминаний в его голове, мозг Максима Зверева минимально участвовал в процессе защиты его хозяина от нападения.

Именно это обстоятельство заставило Максима напрячься.

Потому что он почувствовал свое тело немного чужим.

Что не могло не насторожить...

Глава пятая. Украина-2. Вторая попытка

Порой бывает так, что нужно вовремя остановиться. Просто для того, чтобы посмотреть – правильно ли все сделал? Проверить – не забыл ли закрыть газ, воду, не оставил ли свет в туалете? Или же – спят ли дети, выключена ли плита? Ну, или на работе – правильно ли понял тебя подчиненный, выполняют ли задание, не уходит ли на сторону важная информация. Да мало ли, для чего нужно вовремя сделать остановку? Хотя бы для того, чтобы самого себя проконтролировать – все ли доводы привел, все ли сказал, сделал, принял? И чтобы случайно не зайти слишком далеко. Ведь потом будет развилка, точка бифуркации, откуда уже не свернуть, и назад не вернуться. А если вернуться, то уже не туда, откуда пришел. Потому что за то время, пока поворачивал, уже некоторые вещи поменялись... И вернешься ты уже не совсем туда, где был...

Нырнул ты, например, в одну реку, а вынырнешь уже в другой. Потому что, пока нырял, много воды утекло...

И снова Львов, год 2016, 15 декабря

Полковник польской военной контрразведки (SKW) Марек Витковски был просто в бешенстве. Нападение на очень ценного агента влияния, которого еще предстояло сделать таким – и где? В его, Марека, вотчине, в госпитале Международного комитета Красного Креста, который на самом деле был его базой, его маленькой крепостью! На агента, которого он только-только начал вербовать, а, если точнее, «окучивать», ибо сверху поступил категорический запрет на любые агрессивные действия по профилю этого журналиста. На агента, которого с таким трудом удалось заполучить! Такая удача – и вот, внезапно почти провал! Если бы этого Зверева завалили – все, полетели бы головы, а первая – его, Марека Витковски- голова! Ну, не так буквально, конечно, но погоны бы слетели точно. А то и в отставку пришлось бы попроситься...

А журналист непрост, ой не прост. Один, с голыми руками против двух автоматов! В него стреляли в упор и при этом он ушел с линии огня. Фантастика! Его предупреждали, что этот Зверев – очень опытный разведчик, агент экстра-класса, много лет работает под прикрытием, но он не верил. Мало ли, может просто агент из разряда «передай-свободен». А тут такой Джеймс Бонд...

Но надо пошевеливаться. Жаль Янека, хороший был хлопак, но то война... Сразу отправил своих лучших боевиков к этому журналисту, четверо дежурят теперь посменно. А еще надо запросить Центр, данные на тех террористов найти – отпечатки выслали, фото, может что и найдут. Профессионалы, как они смогли так схибить? Видимо, хотели взять Зверева живым, потому и не стали сразу стрелять. И не ожидали, что журналист окажется таким прытким...

Мда, надо срочно поднять все, что есть, на цего хлопа...

...Макс отошел довольно быстро. Все же мозг не отвечал за действия его тела в экстремальной ситуации, поэтому и ставить вопросы самому себе было бессмысленно. Ясно одно – он изменился, он не тот, каким был перед попаданием в свое прошлое. Вариантов два – либо он там, в прошлом, прожил свою жизнь уже иначе, обладая послезнанием, либо он во время пребывания в прошлом получил новые знания, навыки, умения. Либо и то, и то. Или что-то совсем иное. Но сейчас информации ноль, да и не главное это. Есть более насущные проблемы.

А раз так – то лучше потратить время с большей пользой. Потому что перед ним стояли вопросы в несколько другой плоскости. Из разряда вечных: «Что? Где? Когда?» А все эти «Кто виноват?» и «Что делать?», а также «Быть или не быть?» оставим на потом. Ясно, что в этом прошлом он не совсем журналист, а может, и совсем не журналист. И тот финт, который его контуженное, но, видимо, совершенно не пострадавшее тело выдало при нападении неизвестных, надо просто отметить, как данность. И пользоваться при случае.

«Хотя нет, чур меня, тыфу-тыфу-тыфу, на хер такие расклады!» – Макс даже мысленно перекрестился.

«Не надо больше проверять, на что я еще способен. Вдруг научился, как в «Матрице», взглядом пули останавливать? Если в 1976 году познакомился с экстрасенсами из «конторы», то за тридцать-сорок лет могли и не таким трюкам научить...»

Макс задумался. В принципе, тело свое надо будет исследовать, он ведь после контузии даже легкую разминку не делал. Потому и сам удивился тому, что сделал во время нападения.

«Но волнует другое. Судя по всему, я здесь – важная птица. И меня явно разрабатывают. Кто? Скорее всего, контрразведка. Причем, раз боевые действия, то военная контрразведка. Серьезная контора. И вот такой щелчок по носу. Точнее, не щелчок, а полновесная плюха. Сунуть боевиков в самое логово польской контрразведки, с оружием, нападение прямо в госпитале, причем, в помещении, не где-то снаружи... Серьезные завязки нужны для такого, акция готовилась явно не один день. Получается, я под плотным контролем, «под колпаком». Знать бы, кто здесь Мюллер. То, что Штирлиц – это я, понятно сразу. Теперь надо понять, на кого в данный момент я работаю... Но ладно, вернемся к первоочередным задачам!»

Макс осмотрелся.

В палате, которую ему предоставили, и которая больше была похожа на рабочий кабинет врача – а может, так оно и было – на письменном столе уже стоял ноутбук, включенный и готовый к работе. Прикольно, что ноут был с кириллицей, а не с латинской клавиатурой. И не с польским шрифтом, что ожидалось.

«Значит, этот контрразведчик все просчитал, был готов к разговору. Неужели они и раньше меня «пасли». Тогда вопрос – почему я оказался здесь? И почему вообще я, журналист, и, судя по всему, не только журналист, поперся в зону боевых действий? Я же не боец, получается, не защитник повстанцев теперь...»

Зверь уселся в кресло, судя по всему, тоже принадлежавшее, как минимум, заместителю главврача, и задумался. Он на минутку представил себе всю нелепость ситуации.

«Бля, повстанцы! Офигеть – украинская повстанческая армия! УПА! Теперь бандеровцы стали сепарами! Цирк! И теперь эти клоуны типа бандеровцы, которым их патриотизм вливали с юных лет со времен Ющенко, внезапно решили отделиться? Идиоты! Куда? К Польше? Чтобы поляки снова их холуями и псякревами называли? Без панской плетки не могут никак? Но ладно, этими долбодятлами все равно управляют более серьезные дяди, «сказал доктор в морг – значит, в морг!»

Макс включил ноут, вошел в интернет и первым делом проверил почту. Фигвам – он не смог зайти в свои почтовые ящики. Пароль не подходил. То есть, сразу первый облом – он не может в своей почте проверить свою же информацию и, получается, не сможет восстановить личные сведения о себе и своей деятельности. Видимо, пароль здесь был другой. А, может, и ящики другие?

Зверь просмотрел браузеры – они были те же. Тот же «хром», «мозила», «опера», «эксплоуэр». И почта у него должна быть укрнетовская... А, дудки! И гуглхромовской нет. В общем, пока облом. А информация нужна! Он просто не мог поверить, что вокруг его персоны начались такие игры.

«Итак, вводная №1 – Максим Зверев является важной птицей. Вводная №2 – Максим Зверев журналист только для прикрытия, а на самом деле какой-то местный вариант Джеймса Бонда. Вводная №3 – польская контрразведка передает ему очень важный послыл для российского руководства. Вывод? Максим Зверев – агент российских спецслужб? Нехило!»

Зверь встал с кресла, подошел к зеркалу и внимательно на себя посмотрел. В принципе, ничего особо не изменилось. Он выглядел, как всегда – здоровый, высокий мужик, не качок, но и не дохлик, мускулатура имеется, но бицепсы-трицепсы напоказ не торчат. Выглядит, как всегда, не на свои 53, максимум, на 38 – всю жизнь в спорте, как же иначе? Ни лысины, ни

животика, ни морщин на лице, разве что трехдневная щетина портит глянец. По сравнению с прошлым временем малость похудел. Впрочем, и тогда, на Донбассе он особо не разъелся, да и постоянные разведываходы ожирению не способствовали.

Но что-то, хоть и неумовимое, на первый взгляд, все же Макс в себе новообновленном заметил. Даже не в лице – в глазах. Взгляд стал более жестким, даже, можно сказать, злым. И это при том, что и раньше он размазней и квашней не был. Хотя, если честно, какие-то моменты либерализма и всепрощенчества в нем присутствовали. В том прошлом, которое было до попаданчества. Жалел он и бойцов своих, и, раньше, соперников на ковре, не бил в полную силу порой, когда надо было, жалел и пленных украинских солдат. И порой не мог расстреливать даже попавшихся мародеров – отправлял «на подвал», на земляные работы. А тут – свернул шею одному, пристрелил второго...

«И никакого, блин, сожаления. И Янека даже не жалко, который мне жизнь спас. Вот ни капельки. А что – парень сделал свою работу. Причем, не совсем качественно – не обеспечил полную защиту. На чем и погорел...»

Зверь все эти мысли просто воспринимал, как некий поток сознания, со стороны. Как будто и не он все это думает, а кто-то внутри него. Кто-то, безусловно, родной и близкий, но немного не он. Наверное, так бы он, маленький Максим Зверев, воспринимал вторжение уже взрослого Макса Зверева в его детское сознание со всеми его взрослыми мыслями, чувствами и умениями.

«Ладно, будем решать проблемы и задачи по мере их поступления. Для начала надо определиться, куда конкретно, в какую историческую ситуацию я попал, почему так получилось и в каком конкретно месте история Украина изменилась настолько, что гражданская война, начавшаяся после Майдана в Киеве в 2014 году, стала вдруг диаметрально противоположной в территориальном смысле. То есть, не Донбасс восстал против новой украинской власти, а Западная Украина внезапно захотела отделяться? Кстати, если отделяться – то Польша была бы наиболее вероятным крылом, под которое западэнцы пошли бы. Ну, Румыния еще, Венгрия. А тут – Польша вторглась в Украину, а эти бандеровцы с поляками режутся... Впрочем, все правильно – они и раньше резали друг друга, видимо, галычане снова ЗУНР решили воссоздать, как и сто лет назад...»

Макс снова сел за стол и окунулся с головой в интернет. Его главной задачей было отыскать момент, когда история Украины пошла не так, как это было в его 2016 году.

Момент был найден довольно быстро.

В принципе, все было почти так же – и развал СССР в 1991 году, и Беловежская пуца, и шальные 90-е – все было. И первый президент Украины Леонид Кравчук, который первым же и стал грабить свою страну, распродав крупнейшее в Европе Черноморское пароходство и «толкнув» корабли чуть ли не по цене лома – был. Был и второй президент Украины, бывший директор днепропетровского Южмаша Леонид Кучма, который продолжил грабить Украину, начав и закончив «прихватизацию» страны, передав за бесценок крупнейшие отечественные предприятия зарождавшимся олигархам. И в первую очередь, металлургические гиганты – своему зятю, Виктору Пинчуку. Ну и остальным – Ринату Ахметову, Игорю Коломойскому, Дмитрию Фирташу.

А вот с третьим президентом было не все так просто...

Нет, после Кучмы Украиной стал править все тот же полудурошный Виктор Ющенко. И «оранжевая революция» была, вместе с Майданом и прочими «наколотыми апельсинами». Вот только фразу эту произнесла вовсе не Люда Янукович. Ее вообще не было – ни Людмилы Янукович, ни ее мужа, Виктора Януковича. Фраза была, апельсины – были, а Януковичей – не было. Поэтому про «наколотые» апельсины ляпнула Анна Герман. Которая в «его» времени была как раз пресс-секретуткой Януковича. А здесь...

Здесь все было не так. Надо было разбираться.

И Макс разобрался.

В принципе, новейшая история Украины, как государства, могла стать прекрасным сценарием для какого-то политического триллера. Пополам с комедией типа «Хвост вертит собакой». Уж больно трагическое и комическое перемешалось в одном флаконе.

Когда украинский президент Леонид Кучма решил схитрить и обеспечить себе третий срок своего президентства, себе на смену он готовил бывшего министра внутренних дел Юрия Кравченко. Схема была простой и надежной, назвать ее можно было условно «подержи мне место». Это уже потом вариант «рокировка» был опробован в России, а тогда, в 2004 году именно такой выход придумал Кучма. Вернее, ему придумали.

Согласно Конституции Украины, президент не мог три раза подряд занимать этот пост. Вот Леонид Данилович и двинул на пост президента своего друга и соратника, а, если откровенно, то уже и преемника. И несмотря на то, что Кравченко после знаменитого «кассетного скандала» с убийством журналиста Георгия Гонгадзе был уволен с поста главы МВД в марте 2001 года, Кучма устроил его на теплое место главы ГНАУ – государственной налоговой администрации Украины. И оттуда Кравченко должен был стартовать в кресло украинского президента.

Должен был...

Дальше началась такая же канитель, как и в том варианте истории Украины, которую знал Максим. В этом, новом варианте все пошло почти так же – летом 2004 года Юрий Кравченко был уволен с поста председателя ГНАУ. Причем, судя по всему, Кучму вынудили это сделать. И хотя сразу же стартовала кампания по раскрутке имиджа Кравченко, как борца с мафией и ликвидатора банд, но что-то пошло не так.

У бывшего главы МВД Украины были все шансы стать новым президентом страны. Он в свое время поднял украинскую милицию на качественно новый уровень, именно под его руководством в Украине были ликвидированы самые опасные банды – Марьянчука из Одессы, «банды оборотней» Свердлова и банды Гончарова из Киева. Причем, все бандиты имели осведомителей в МВД и СБУ, были вооружены автоматическим оружием, действовали нагло и решительно. Тем не менее, их просто разгромили – кого «закрыли», кого перевербовали, а многих просто перестреляли. Юрий Федорович умел быть жестким и даже жестоким. Да и вообще преступность в Украине при Кравченко ощутимо снизилась. Так что шансы быть избранным у него были...

Но, видимо, вмешались пиндосы...

Макс смотрел в экран ноутбука, нанизывая к себе в файл документ за документом, статью за статьей, просматривая видео и не мог отделаться от мысли, что все это он уже когда-то видел. На всех событиях, которые происходили в Украине, начиная с распада СССР, как будто бы стояла печать, точнее, клеймо мастера. Мастера, который неспешно, со вкусом, ковал некое оружие, какую-то супер-пушку, которая была направлена на Россию. И на клейме этом было четко обозначено «Made in USA»

«Их почерк, как не крути. Ведь ставленником Госдепа оказался бывший банкир, этот тупой хуторянин Виктор Ющенко. И Юрий Кравченко был явно лишним в этом заокеанском пасьянсе. Тем более, что схема, когда Кравченко становился президентом, а Кучма – премьер-министром, угадывалась на раз. Америкосам это было не нужно.

«Вот же ж твари, что там, что здесь в каждую щель лезут, не йдется им в своих штатах, мало им банановых республик по всему миру, гнидам!», – Максим даже в сердцах хлопнул кулаком по столу.

Ноутбук подпрыгнул и, обидевшись, стал перезагружаться. Зверь мятнулся уже не сдерживаясь. В комнату моментально заглянул один из охранников. Макс показал ему жестом, что все спокойно, виновато пожав плечами и ткнув пальцем в ноут, произнес одну из двух известных ему польских фраз «Курва мать!» Поляк усмехнулся и, понимающе кивнув голо-

вой, скрылся за дверью. Макс подождал, пока ноут снова загрузится, восстановил странички внезапно прерванной работы браузера и снова окунулся с головой в хронику событий 2005 и следующих годов.

В принципе, Кучма не устраивал США давно. Просто поначалу он со своей многовекторностью очень удачно водил за нос не только америкосов, но и россиян. Путин был согласен ждать, потому что реально для Украины союз с Россией был наиболее выгодным. Какой дурак будет упускать свою выгоду? Но Кучма был не дурак – он как раз был из тех хитрецов, что порой сами себя могут перехитрить и остаться в дураках. Именно так и получилось со вторым президентом Украины, что в одном, что в другом варианте. Только здесь сценарий в новой Украине, той, в которую занесло сейчас Максима, пошел по новой ветке. Причем, все, так сказать, ускорилось...

...Утром 4 ноября 2004 года Юрий Федорович Кравченко был обнаружен мертвым на даче в элитном поселке «Золотые ворота» в Конче-Заспе под Киевом. В первоначальном варианте это случилось уже после Оранжевой революции, 4 марта 2005 года. Здесь же бывший министр не должен был выиграть президентские выборы, второй тур которых был намечен на 21 ноября.

По официальной версии, как и в первом варианте, Кравченко якобы покончил жизнь самоубийством – дважды выстрелив себе в голову. Макс много читал об этом деле и у него, как и у многих его коллег, не было ни тени сомнения в том, что Кравченко убили.

Ну, как такое может быть – человек делает себе снизу в челюсть выстрел из пистолета, при этом, как писали эксперты, получает «перелом нижней челюсти с травматической ампутацией передних зубов и двойной перелом нижней челюсти в области ее углов, повреждения нижней губы, повреждения языка, перелом верхнечелюстных костей с травматической ампутацией передних зубов, разрушение хрящей носа, на верхней губе по ее срединной линии сквозное ранение линейно витой формы». Короче, отстрелил себе пол-лица и при этом хладнокровно прислонил пистолет к виску и снова нажал на спусковой крючок?

Та ладно!

Такая травма приводит к болевому шоку. Получив который, человек просто не в состоянии не то, что снова стреляться – он пистолет в руках не удержит! Потому что сознание потеряет! Мало того, после такой травмы Кравченко – а рост генерала был 190 сантиметров – просто упал бы со стула, на котором сидел. А покойный сидел себе спокойненько, словно бы первый выстрел не снес ему полчелюсти. Подумаешь! Ну, не вышло, взял и в висок еще раз выстрелил, делов-то?

Было еще много странностей, которые следователи благополучно «не заметили». На пистолете были отпечатки «самоубийцы», а все патроны почему-то оказались чистенькими. Словно их не Кравченко снаряжал в магазин, а ангел. Или бес. Гильзы от двух выстрелов в упор почему-то оказались в разных концах сарая, где дважды «застрелился» генерал. Что в принципе невозможно. На правой руке, которой он держал пистолет, не оказалось ни капли крови, хотя все вокруг было залито ею. Опять же, на руке не было следов от порохового налета – а следы обязаны были быть, раз он стрелял в упор. И так далее...

Кстати, следователи обнаружили предсмертную записку Кравченко: «Мои дорогие, я не виноват ни в чем. Простите меня, я стал жертвой политических интриг президента Кучмы и его окружения. Покидаю вас с чистой совестью, прощайте».

Но люди, знавшие Юрия Кравченко очень хорошо, увидев фото записки в газетах, сразу сказали, что почерк – не покойного. Мало того – листок из блокнота, на котором была написана записка, лежал на видном месте, а самого блокнота так и не нашли. И ручку, которой генерал якобы ее писал – тоже. Да и не мог он так официально написать – «президента Кучмы». И эти слова казенные – «я стал жертвой политических интриг президента Кучмы и его окружения» ... Так предсмертные записки не пишут.

Одним словом, сработать так топорно могли только те, кто знал наверняка, что следователи не будут копать по-настоящему...

Потом, конечно, была запущена версия, что Кравченко застрелился из-за дела Гонгадзе – ведь он должен был прибыть на допрос в Генеральную прокуратуру в связи с расследованием дела об убийстве журналиста. Мол, он многое мог рассказать следователям, потому что проводил собственное расследование этой загадочной и нелепой смерти... И даже те, кто утверждал, что генерала убили, думали, что из-за журналиста... Но на самом деле все было гораздо проще – в США не хотели видеть президентом ни волевого Кравченко, ни хитрого Кучму. Кучма не пошел на условия, выдвигаемые заокеанскими кураторами Украины, а Кравченко был человеком Кучмы. Так что Ющенко должен был стать президентом в любом случае...

Но Кучма и здесь попытался вывернуться.

Конечно, когда внезапно убивают кандидата в президенты, вернее, когда кандидат в президенты внезапно совершает самоубийство, второй кандидат как бы автоматически должен был стать президентом. Ведь после первого тура выборов 31 октября во второй тур вышли Кравченко и Ющенко. Причем, набрали они голосов примерно поровну – у Ющенко было 40%, у Кравченко – 39,30%. На третьем месте был лидер Социалистической партии Украины Александр Мороз с жалкими 5,81%. Так что даже если бы он занял место внезапно умершего соперника, ему ничего не светило. Но Кучма решил все переиграть и добился отмены результатов выборов. А потом отменил и сами выборы. Мол, террористы и все такое...

И вот тогда грянул первый Майдан!

Сама так называемая «Оранжевая революция», как две капли воды, была похожа на ту, которую наблюдал в свое время Макс, и в которой сам принимал участие. Трудно было сказать, почему он тогда оказался на Майдане? Наверное, все же, не по политическим мотивам – потому, что там были его друзья. Ну и немаловажный аспект – на тот момент у него не было работы. Так что можно было и побуйнить!

Так вот, все было то же самое – и оранжевые флаги, шарфики, ленточки, и «Ю-ЩЕНКО!», и «Разом нас багато – нас нэ подолати!» Лидеры и кукловоды были те же самые. Вождем и Мессией выступал Виктор Ющенко, его соратницей была Юлия Тимошенко, которая уже к тому времени оформила свою отдельную партию «Батькивщина». А на подпевках выступала вся остальная шелупонь – и Александр Мороз с умирающей Социалистической партией Украины, и Петр Порошенко, который раньше был основателем Партии регионов (она как бы противостояла на выборах «Нашей Украине» Ющенко), но вовремя переметнулся к сильнейшим, и даже глава Партии промышленников и предпринимателей Анатолий Кинах, которого в политтусовке давно прозвали Робот Толя – по аналогии с Роботом Вертером из фильма «Гостья из будущего».

Но вообще-то среди так называемой оппозиции кроме Ющенко и Тимошенко сильных лидеров не было. А вот с другой стороны на место Кравченко можно было выставлять сразу трех-четырех кандидатов – и премьера Георгия Кирпу, и харьковского губернатора Евгения Кушнарева, и даже лидера социал-демократов Виктора Медведчука, который к тому времени уже начал дистанцироваться от Леонида Кучмы. Впрочем, у Медведчука всегда был нюх на победителей. И, видимо, он почуял, что Кучма не вытянет...

В общем, началась канитель...

«Оранжевая» оппозиция требовала признать Ющенко президентом, Кучма и Партия регионов, которая стала опорой власти, требовали или проведения второго тура выборов, или аннулирования результатов первого. То есть, вообще приостановить президентские выборы и провести их через год, чтобы новые кандидаты могли провести нормальную предвыборную кампанию. Противостояние готово было перейти в прямые столкновения – на Майдане уже стали расставлять первые палатки. Кстати, первыми там оказались боевики из УНА-УНСО...

В общем, дальше все было примерно так же, как и в варианте №1 – в Киеве начались переговоры между Ющенко и действующим президентом Кучмой. По просьбе Кучмы, в переговорах приняли участие зарубежные посредники – президент Польши Александр Квасьневский, Верховный представитель Евросоюза по внешней политике и безопасности Хавьер Солана и генеральный секретарь ОБСЕ Ян Кубиш. В переговорах также участвовали спикер украинского парламента Владимир Литвин и спикер Госдумы России Борис Грызлов.

Кстати, Юлия Тимошенко потребовала отказаться от переговоров с властью, якобы виновной в массовых нарушениях законов. Она назвала этот шаг предательским по отношению к народу и настаивала, что оппозиция должна была вначале захватить власть, заставив Кучму и председателя ЦИК Кивалова сложить свои полномочия. А затем уже начинать переговоры с посредниками по поводу признания законности такого развития событий. Любопытно, что спустя десять лет именно она окажется в положении Кучмы и наплюет на все предложения оппозиции...

Короче, пока шли переговоры, сторонники Виктора Ющенко, получив прямой приказ своих лидеров – а, скорее всего, выполняя указания резидентов США, которые контролировали события, заблокировали здание правительства Украины и президентскую администрацию в Киеве. Протестующие не пускали к Дому правительства никого, кроме журналистов. Срочно были мобилизованы сторонники действующего премьера Георгия Кирпы и убитого кандидата в президенты Юрия Кравченко. Встреча представителей противоборствующих групп произошла на Европейской площади в Киеве. Между ними стояли жидкие шеренги милицейского спецназа. Но как только «оранжевые» попытались показать силу – отряд спецназначения МВД «Беркут» сразу же показал, кто здесь самый крутой. Какая-то сотня бравых парней в милицейской форме одними дубинками погнали несколько тысяч «майдаунов», вооруженных битами, цепями и дубинами, обратно на Майдан. А отдельных представителей «оранжевого» племени гоняли еще по всему центру Киева, пакуя и отправляя за решетку. И только приказ президента Леонида Кучмы и министра МВД Николая Белоконя удержал милиционеров от того, чтобы снести на хрен всю «оранжевую волну» с Майдана Независимости.

Кучма еще надеялся договориться...

Кстати, «оранжевые» все это время всю «майданили» в центре Киева. Весь Крещатик и вся центральная площадь, точнее, Майдан Независимости, были заставлены палатками. Там уже не просто ночевали или дневали – там жили сотни бездельников, которым не надо было ни работать, ни учиться, ни кормить семьи, детей. К тому же кормили на Майдане бесплатно – деньги были давно выделены. Ведь все эти палатки, продукты, дрова, бензопилы, рации, генераторы, лекарства, одежда, а также снаряжение и даже оружие – все это на улицах Киева не валялось и на киевских каштанах не выросло.

А сердобольные и глупые киевляне еще и сносили продукты и деньги на Майдан. Кстати, эти самые майданные деньги позже тупо украдет лидер молодежной организации «ПОРА» Влад Каськив – тот еще аферист. И купит себе квартиру в центре Киева...

...В Киеве прошло экстренное внеочередное заседание Верховной Рады. Депутаты приняли постановление «О политическом кризисе в государстве, возникшем в связи с выборами президента Украины», которым признали недействительными итоги первого тура голосования в связи с трагической гибелью одного из кандидатов. Верховная Рада предложила действующему президенту Леониду Кучме до 1 декабря внести на рассмотрение парламента представление о проведении новых президентских выборов.

Президент Кучма на это заявил, что объявить результаты голосования недействительными может только Центризбирком, поэтому решение Рады – «политическое» и правовых последствий не имеет. Действующий президент в экстренном порядке созвал Совет национальной безопасности и обороны Украины. Совет, вопреки опасениям оппозиции, не принял решение о разгоне митингующих. Кучма заявил, что блокада органов власти является грубым

нарушением закона и напомнил, что Ющенко обещал снять осаду со зданий Верховной Рады, администрации президента, правительства и Верховного суда. На это лидер оппозиции ответил, что вести толпу на захват этих зданий он не будет, но граждане имеют полное право мирно выражать недовольство на улице.

И, словно бы намекая на то, что противостояние может перейти в фазу силового конфликта, в течение всей ночи участники акций протеста, оккупировавшие весь центр Киева, дежурили вокруг здания Администрации президента, окружив ул. Лютеранскую, Шелковичную и Институтскую живым кольцом.

Кучма попытался было пригрозить распадом страны. В Харькове состоялся съезд Партии регионов. Этот съезд явно продемонстрировал сепаратистские наклонности. Бывшие сторонники Кравченко, а также видные деятели Партии регионов собрали в Харькове три тысячи представителей власти местного самоуправления и исполнительной власти. В основном прибыли представители юго-востока Украины (Донецкой, Днепропетровской, Житомирской, Запорожской, Кировоградской, Луганской, Николаевской, Одесской, Полтавской, Сумской, Харьковской, Херсонской, Черкасской, Черниговской областей, Автономной республики Крым и города Севастополь). Они ясно дали понять, что «оранжевый» кандидат в президенты их не устроит. Главным оратором и глашатаем стал харьковский губернатор Евгений Кушнарёв, но он явно выдвигал на первые роли премьера Украины Георгия Кирпу. Стало ясно, что именно Кирпу Кучма будет теперь двигать в президенты.

При этом действующий президент иезуитски призывал «не растаскивать страну»: «Идеи, которые выражают руководители местных органов государственной власти, не отвечают ни Конституции, ни украинскому законодательству».

Якобы под влиянием и подчиняясь авторитету президента, власти Харьковской области отменили своё решение об отделении от Украины и вхождении в состав Юго-Восточной Украинской республики. Губернатор области Евгений Кушнарёв заявил, что решения областного совета, которые не соответствуют Конституции и законам Украины, будут пересмотрены: «На территории области в полном объёме действует конституция и законы Украины».

И вот здесь снова происходит событие, которое серьезно меняет ход истории Украины... Георгия Кирпу находят с простреленной головой...

Глава шестая. Украина-2. Начало конца

Очень часто мы понимаем, что в какой-то момент все пошло не так. И все у нас вроде бы было, чтобы чего-то не было, а случилось то, что случилось, хотя случиться, вроде-бы, так не могло. А потом начинаешь вспоминать, анализировать – и на тебе! Там прошляпил, там поручил дело совсем не тому человеку, просто под рукой оказался, а того вовремя не разглядел, а он и протупил. Или, того хуже, наподличал. А как люди меняются, если получают власть, деньги, возможности? Ого-го! И если строил свои расчеты, имея вначале исходные данные неких моделей, то под влиянием обстоятельств, времени, внешних воздействий некоторые опции приходят в негодность или же блокируются. А иногда появляются новые, которые в инструкции указаны не были. Вместо совести – расчетливость, вместо чести – продажность, вместо ума – хитрость. И далее по списку. И хотел ты построить один механизм, а получился совершенно другой.

А ведь как проверишь? Да просто все. Проверять надо! Закалять надо!

Как сталь!

И тогда то, что ты построил, будет стоять века!

Как было и как могло быть?

Со времен выхода Украины из СССР в этой стране на руководящих постах с каждым годом все меньше и меньше оказывалось людей, которые действительно могли руководить хотя бы строительной бригадой. Увы, одна из главных бед всей нашей огромной и необъятной Родины – дураки – больше всего ударила именно по Украине. Хотя, конечно, и дороги там были такие... Точнее, не было там дорог – на их строительстве и ремонте воровать было легче всего. Что, конечно же, и делали все, кто был причастен к дорожным работам.

Начиная с первого президента Украины Леонида Кравчука на высших должностях ново-явленной «республики» оказывались такие проходимцы и мошенники, что Макс всегда удивлялся – как это недо-государство вообще смогло просуществовать четверть века? Как страна не развалилась в первую же пятилетку?

Видимо, помог тот факт, что после развала Союза Украине достался самый вкусный и жирный кусок общего пирога – заводы, в том числе гиганты отечественной металлургии, сеть атомных и гидроэлектростанций, прекрасный авиапарк, выходы к Черному и Азовскому морям с портами и кораблями, в общем – великолепная инфраструктура, сильная промышленность, а главное – ГТС. Газотранспортная система. Через которую теперь уже из России поступало в Европу голубое золото. Газ. И какие там деньжищи крутились и наваривались, какие барыши оседали теперь уже не в государственных, а в частных карманах – этого не знали, наверное, даже руководители страны.

В одночасье в лихие 90-е на Украине внезапно появились свои, местные олигархи – Виктор Пинчук, Ринат Ахметов, Игорь Коломойский, Дмитрий Фирташ. Пинчук был зятем президента Кучмы, Ахметов вырос из бандитской среды – начинал каталой и бригадиром гопников, Коломойский вышел из еврейской мафии, а Фирташ также вовремя удачно женился, а потом «присосался» к газовой трубе.

В общем, с олигархами все было ясно, а вот с руководителями, вплоть до среднего звена – не очень. Чаще всего это были бывшие партийные и комсомольские работники, типа бывшего второго секретаря Днепропетровского горкома комсомола Сергея Тигипко или заведующего отделом агитации и пропаганды Днепропетровского обкома комсомола Александра Турчинова. К ним, кстати, потом затесались бывшая владелица салона видеопроката Юлия Тимошенко с бывшим председателем колхоза Павлом Лазаренко. Если взять до кучи «красного директора» – бывшего директора Южного машиностроительного завода Леонида Кучму, то становится понятно, как днепропетровская мафия на десяток лет захватила всю власть в Укра-

ине. А так как эти горе-руководители из всех правил математики запомнили только два – отнимать и делить, то ничего нет удивительного в том, что за годы своей власти они постепенно растащили все богатое советское хозяйство, доставшееся стране...

Так было в первом варианте истории Украины, то же самое состоялось и сейчас. И Максим прекрасно понимал, почему – ничего ведь, по сути, не изменилось. Ну, почему-то не стало в этой истории Украины Виктора Януковича. Который в его, Зверевском варианте был президентом, а еще раньше – премьер-министром Украины. И что? Все остальные ведь остались! И остались как раз на своих руководящих постах!

Правда, встречались и отдельные индивидуумы, что в одном, что в другом варианте. Которые не растаскивали, а, наоборот – собирали. Из осколков, из кусочков, по крупинкам.

Тот же Юрий Кравченко создал, наконец, нормальную правоохранительную систему. Поднял украинскую милицию из дерьма. Правда, и коррумпирована она стала, по сравнению с советской... Как какая-то латиноамериканская полиция в какой-то банановой стране, которой, по сути, Украина и была. Так что все нормально – менты, конечно, брали взятки, но дело свое знали и делали. Уличная шпана исчезла, серьезные банды пересажали и перестреляли, а уцелевшие бандиты легализовались, стали серьезными бизнесменами и стали «брать на зарплату» ту самую милицию, которая когда-то их гоняла. Менты были «на содержании», а милиция стала «содержанкой».

Диалектика.

А Георгий Кирпа из того полуржавого хлама, называемого железнодорожным подвижным составом, и массы почти одичавших, живших почти на подножном корму железнодорожников, создал нормальное министерство путей сообщения. Да плюс к этому еще и получил в управление министерство связи... Кирпа смог привести в порядок разболтанную «Укрзализныцю» – беспокойное железнодорожное хозяйство Украины, не дал его растащить, разграбить. Он сделал его прибыльным и впервые за много лет украинские поезда стали ходить, как швейцарские часы – система штрафов в ведомстве Кирпы была весьма строгой. Прибыли пошли космические, потому что, если грамотно таким добром распорядиться... Не зря же Кучма сделал Кирпу премьер-министром. Украина стала выбираться из экономической ямы...

Видимо, потому были устранены и Кравченко, и Кирпа...

Кирпу тоже застрелили. И тоже обставили его смерть, как самоубийство.

Это случилось здесь точно также, как и в предыдущем варианте. Правда, в истории, которую знал Максим, Кирпа был не премьером, а только министром связи и транспорта. Премьер-министром был несуществующий в данной реальности Виктор Янукович. Поэтому в первом варианте украинской истории убийства Кирпы и Кравченко большой роли в изменении Украины не сыграли. Потому что эти люди после начала Оранжевой революции уже ничего не могли изменить.

Но в этом, новом варианте, оба украинских политика были гораздо более весомыми личностями. Потому что явно претендовали на более важную роль в становлении Украины, как государства. Именно эти две фигуры реально могли выйти на президентский уровень. И у них были все данные для того, чтобы навести порядок в стране так, как каждый из них сделал в свое время в своем министерстве. Но им не дали это сделать...

После убийства Кирпы дела в Украине окончательно пошли вразнос. Кучма заметался, он понимал, что теперь он ничего не сможет сделать. Украинский президент уже понял, кто стоит за всем этим «оранжевым» безумием. А такие наглые отстрелы явных кандидатов в президенты стали для него очень красноречивым намеком – не лезь!

И он просто стал тянуть время, стараясь успеть подготовить свой уход. А время словно бы ускорилося. Кучма понял, что катастрофически не успевает...

Он совершает блиц-визит в Россию, где в правительственном аэропорту Внуково-2 накануне вылета российского президента Владимира Путина в Индию осуждает поведение укра-

инской оппозиции. Беседу двух президентов в течение почти десяти минут транслируют государственные российские каналы. Это говорит всем о том, что обе стороны не только придают встрече особое значение, но и хотят, чтобы она стала своего рода сигналом Западу: украинский кризис должен решаться при активном участии Москвы.

После возвращения из Москвы Кучма переходит в контратаку. Он категорически отказывается от предложения европейских посредников провести новые выборы, а в качестве условия отставки правительства требует срочного принятия парламентом закона о политической реформе. Эта реформа предполагает превращение Украины в парламентскую республику, где ключевым будет пост премьера, а президент становится преимущественно церемониальной фигурой.

Таким образом Леонид Кучма всё же добивается сокращения полномочий своего преемника. Верховная Рада Украины большинством голосов принимает поправки к Конституции, превращающие Украину в парламентскую республику. За их поддержку оппозиция во главе с Виктором Ющенко получает закон, легализующий «третий тур» президентских выборов. То есть, второй тур не состоялся, но взамен выбившего Юрия Кравченко соперником Ющенко выступил лидер социалистов Александр Мороз. Который, понятное дело, заранее проиграл...

Конституционная реформа должна была начать реализовываться с 1 сентября 2005 года. Ющенко стал президентом, а премьер-министром Украины была назначена Юлия Тимошенко. И тут снова случилось непредвиденное...

10 января 2005 года Виктор Ющенко вылетает на обследование в австрийскую клинику «Rudolfinerhaus». Перед отлётом он проводит пресс-конференцию, где заявляет, что, безусловно, был отравлен, а целью отравления было убийство. В Вене у Ющенко берут на анализ кровь. Окружение Ющенко обвиняет в причастности к отравлению российские спецслужбы...

В общем, сценарий был ясен заранее, разве что так и не было понятно – украинского президента серьезно хотели отравить или это была какая-то нелепая случайность? В этом варианте истории он уже стал президентом – и его, так сказать, «спонсорам» из-за океана совершенно ни к чему было ради очередной волны ненависти в сторону России «гасить» с таким трудом усаженного в кресло президента Украины туповатого хуторянина, которым так удобно было вертеть. Это в том, предыдущем варианте, Ющенко был «отравлен» как раз перед решающим туром президентских выборов. Что и позволило ему, в конечном итоге, одержать победу над Януковичем. А сейчас это уже было не нужно...

Как Макс не искал концы, окончательно он так и не смог установить, что же случилось на самом деле. Были разные мнения – от пищевого отравления и обострения панкреатита до попыток самого Ющенко «омолодиться» сразу после выборов. То ли какие-то стволовые клетки себе пересадил, то ли пластику неудачно сделал и занес инфекцию...

«Пластика, конечно, этой сельской морде не помешала бы – такой чурбан в кресле президента сел, что просто мама дорогая», – мимоходом ухмыльнулся Максим.

Дальше события снова потекли примерно так же, как и в его истории. Началась «оранжевая» эра. Точнее, началась Украина хуторянская...

Ющенко стал срочно тащить всех своих знакомых, друзей и просто односельчан, всех этих рагулей-хуторян, в Киев, раздавая им всем различные посты. И словосочетание «любимые друзья», то есть, «любезные друзья» точно так же воцарилось в украинском истеблишменте. Понятное дело, что страна окончательно пошла в разнос.

Параллельно на Западной Украине почти что легализовались радикально националистические партии и группировки – всеукраинское объединение «Свобода», ставшая политической партией, партия «УНА» (украинская национальная ассамблея), заимевшая приставку –УНСО (украинская народная самооборона) и ставшая партией УНА-УНСО, а также более мелкие откровенно нацистские организации и партии, вплоть до Союза фашистов Украины и «Брат-

ства» Дмитрия Корчинского, члены которого воевали в Чечне против России. Все это, конечно же, через 10 лет возвращения и пестования проявилось на новом украинском Майдане...

Одним словом, до 2008 года все было все точно так же – Ющенко разваливал Украину, Тимошенко понемногу воровала себе на рекламу и на жизнь, потому что нацелилась на президентское кресло, президент и премьер боролись друг с другом, а парламент помогал то ему, то ей – в зависимости от того, кто больше предложит. Тарифы были давным-давно отработаны и утверждены.

В конце концов, Ющенко распустил парламент и назначил новые парламентские выборы, которые с треском проиграл. Уволенная им премьер Тимошенко снова стала премьером – ее партия «Батькивщина» победила на парламентских выборах. А потом Ющенко так же бездарно проиграл и выборы президента – Тимошенко вышибла его из кресла. После чего инициировала против этого придурка судебный процесс и посадила его за решетку.

Ющенко сел в Качановскую колонию под Харьковом. И сразу слезно стал просить западных политических лидеров остановить узурпацию и освободить «узника совести». Однако после того, как при обыске в его доме были найдены многочисленные музейные экспонаты, причем, не только из музеев Украины, но и всемирно известные полотна «Апостол Пётр исцеляет паралитика» кисти Бернардо Строцци и «Маха на балконе» Франциско-Хосе де Гойя, «узник совести» заткнулся. При этом следователи докопались, куда пропали украденные из Львовской картинной галереи, которую обворовали не один раз, более 600 экспонатов. И хотя в 2010 году на даче бывшего президента якобы произошел пожар – причем, сразу после того, как Ющенко перестал быть президентом, милиция установила, что это была попытка поджога. Ну и, конечно же, нашлись многие украденные вещи из разных музеев, в том числе и европейских.

Правда, сел Ющенко не за это, а за экономику. И за то, что цены на газ не смог у российского президента нормальные выклянчить, и за то, что разрекламировал реприватизацию самых крупных предприятий, а на деле продал какому-то индусу только Криворожсталь, да и то непонятно, куда ушли деньги... В общем, много было грехов у «народного» президента. Который с 50% своего рейтинга всего за три года скатился до 3%. Да и те были скорее, статистической погрешностью...

Впрочем, это уже было не интересно.

В этой новой реальности президент Украины Юлия Тимошенко сразу стала закручивать гайки. Она очень быстро договорилась с Кремлем по льготным ценам за газ, выторговала для Украины подорожание транзита российского газа в Европу по газотранспортной системе, и дальше стала наращивать сотрудничество с Россией. И это, конечно же, вызвало очень серьезное недовольство в США – как так, опекали эту банановую республику, кредиты предоставляли, а тут – на тебе!

И вот примерно с 2011 года и началось медленное брожение в Украине, вначале в ее западной части, а затем все ближе и ближе в Киеве...

Вначале все было чинно-благородно и ничто не предвещало беды.

Еще в 2008 году Россия пришла к согласию с Францией и Германией в том, что Украина и Грузия не должны получить перспективу членства в НАТО. Поэтому план Украины по вступлению в НАТО усилиями немцев и французов в Бухаресте был провален. Позже президент России Владимир Путин дал понять президенту Украины Юлии Тимошенко, что ей не нужно суетиться и пытаться работать на два фронта. И сделал предложение, от которого она не смогла отказаться. То есть – вступить в Таможенный союз. Иначе... Как там у классика – «а кто не будет брать – отключим газ!»

Поэтому после 2010 года Украина стала все теснее и теснее взаимодействовать с Россией. Неудивительно, что Юлия Тимошенко подписала Харьковские соглашения с президентом Российской Федерации Дмитрием Медведевым о продлении срока пребывания Черноморского флота Российской Федерации в Севастополе до 2042 года. Россия получила полное право на

Крымский полуостров и стала расширять зону своего влияния от Севастополя, Феодосии и Сак, где у нее находились военные аэродромы, на всю территорию Крыма. Поэтому цену на газ Россия так и не подняла, хотя еще с 2009 года Газпром выставлял счет в 450 долларов за тысячу кубометров. Но Тимошенко быстренько слетала в Москву, и цена снова стала 232 доллара за тысячу кубов.

«Так, вот первая серьезная нестыковка» – Макс отметил маркером в своем сводном документе этот момент.

«Если в моем прошлом Харьковские соглашения заключал Янукович, а здесь Тимошенко, то в целом в самих договоренностях ничего не изменилось. А вот в вопросе газа все с точностью до наоборот. Вот где произошел поворот в отношениях с Россией».

Максим протер уставшие глаза, оторвался от экрана ноутбука, встал с кресла, потянулся и стал ходить по комнате. Так ему легче думалось.

«Итак, в 2010 году и в одной реальности, и в другой Украине по любому надо было решить вопрос, куда двигаться. Кучмовская многовекторность, этот его шпагат уже никого не устраивал. В Европе пошли свои процессы, И Украина была нужна им, как рынок, как полигон для сброса своих отходов, как страна-транзитер и сырьевой придаток. А тут украинцы начинают гнать в Европу металл по демпинговым ценам, причем, в основном метизы и прокат, ну, еще трубы. Это многим не нравится. Плюс, аграрная продукция – та же Польша возмущается. Так что в Европе хотели Украину наклонить и Штаты помогали. А Россия давно имела свои виды на Украину, тем более что со времен СССР многие российские предприятия сотрудничали с украинскими, а украинская экономика была интегрирована в российскую. Кажется, около 80% украинской промышленности неразрывно были связаны с российской. В общем, с экономической точки зрения Таможенный союз был намного предпочтительнее для Тимошенко. Неудивительно, что она, прикинув все выгоды и риски, пошла на этот союз. В моей истории Янукович этот момент упустил. За что и поплатился...»

Макс снова сел за ноут и стал читать дальше.

Тимошенко осенью 2010 года, укрепила собственную вертикаль власти – через Конституционный суд восстановила действие прежней Конституции, вернув себе полномочия Леонида Кучмы. Оппозиция тогда это назвала узурпацией власти, но Тимошенко это мало беспокоило. Пока ее бывшие соратники – остатки «оранжевых» и националисты – митинговали, подавали иски в суды, обращались к Европе и скулили, она вывела правительство из-под контроля парламента и сидевших там представителей олигархов, и стала – по примеру Путина – строить и парламент, и олигархов. То есть, она стремилась избавиться от тех людей, которые помогли ей прийти к власти.

Это было ее большой ошибкой. В отличие от российского президента, который быстренько очистил властные структуры от всяких гусинских, березовских и прочих ходорковских, Тимошенко не работала в силовых структурах, у нее не было ни опыта в подобных интригах, ни определенных исполнителей, ни своих людей в силовых ведомствах. Министр внутренних дел Юрий Луценко, которого она сделала главой МВД за преданность и готовность всегда услужить, был алкоголиком, придурком и совершенно не разбирался в милицейской специфике. Глава СБУ Александр Турчинов по кличке «Пастор» – он реально был баптистом и читал проповеди в какой-то протестантской общине – точно также был в органах госбезопасности Украины, что называется, «не пришей рукав» к определенному органу. Разве только армия была готова выполнить любой приказ своего Верховного главнокомандующего. Тем более, что министр обороны Украины, адмирал Михаил Брониславович Ежель в свое время окончил в Черноморское высшее военно-морское училище им. П. С. Нахимова в Севастополе, офицерскую службу начал на кораблях Тихоокеанского флота, а после окончания Военно-морской академии имени маршала СССР Гречко вернулся на свой родной флот и служил там аж до 1993

года. Так что связи с товарищами никогда не терял, и Россия всегда была для него Родиной. Позже это сыграет свою решающую роль.

Но что может армия в политических интригах? Ее слово – решающее, но только в завершающей стадии, когда политические проблемы приходится решать силовыми, а не политическими методами. А такие тонкие инструменты, как госбезопасность, МВД, пресса – все это, увы, Тимошенко прое... проспала. И после того, как она разогнала парламент, назначив внеочередные парламентские выборы, именно с этого момента начался отсчет внутреннего кризиса в Украине.

Пока президентша контролировала центральные телеканалы и центральные газеты, очень сильно выросло влияние интернета и, так сказать, областных и городских газет. И ни МВД, ни СБУ как-то не додумались поставить украинские СМИ под жесткий контроль.

Тем временем США, а, точнее, различные спецслужбы – там ведь работают не только ЦРУ или ФБР, у Госдепартамента есть множество других тайных организаций – стали проводить усиленную работу по внедрению агентов влияния на различных уровнях в Украине. Ну, и, конечно же, по выращиванию лидеров общественного мнения. Внезапно еще вчера никому неизвестные журнашлюшки, бизнесменчики и просто, так сказать, «общественные активисты» внезапно стали появляться на центральных телеканалах, у них начали брать интервью ведущие журналисты крупных газет и журналов. А в интернете появились новые ресурсы – различные сайты и даже целые телеканалы. Да и те телеканалы, которые имели минимум охвата по Украине, вдруг стали чуть ли не «единственно честными». Например, «Пятый канал», принадлежащий министру иностранных дел Петру Порошенко, стал называть себя «Каналом честных новостей». Типа, все остальные новости – нечестные. На удивление, слоган сработал – аудитория этого телеканала выросла в 10 раз!

Но главными двигателями «украинской демократии», точнее, главными спонсорами украинской оппозиции стали некие «научные центры», «национальные фонды», «международные институты» – мутные конторы с шикарными офисами чуть ли не в центре Киева, которые непонятно чем занимались, но исправно получали финансирование из-за рубежа, преимущественно из США.

Список их очень большой, но Макс отметил для себя так называемую «чертову дюжину»:

1. Институт Эйнштейна (Шарп и Херли)
2. Институт поддержки демократии в Восточной Европе (США)
3. Международная кризисная группа (Сорос)
4. Центр свободных выборов и демократии (Варшава)
5. Восточно-Европейский демократический центр (Белград)
6. Центр прикладных, ненасильственных акций и стратегий (США)
7. Национальный Фонд Поддержки Демократии (США)
8. Международный республиканский институт (США)
9. Фонд «Открытое общество» (USAID-Госдеп США)
10. Freedom House (Банк Госдепа США, шеф – бывший директор ЦРУ)

11. Фонд Евразия (частный, но при поддержке Сороса)

12. Немецкие фонды: Аденауэра, Эберта, Наумана, Зайделя

13. Фонды Ч.С. Мотта, Карнеги, Фулбрайта. Источник финансирования – Госдепартамент США.

Конечно же, многие украинские издания и журналисты получали конверты из этих и других организаций-спонсоров – это и знаменитая «Украинская правда», которую основал тот самый «внезапно» трагически погибший журналист Георгий Гонгадзе, и созданное в 2012 году некое hromadske.tv (Общественное телевидение), и скандальное «Эспресо TV», и TVi, и движения «Опора», «Стоп Цензуре», «ЧЕСТНО». Их в Украине метко прозвали «грантоедрами», ибо получали гранты от вышеуказанных «институтов» и «фондов», причем, суммы там были с пятью, а то и шестью нулями. В долларах, конечно.

Ежемесячно.

И, конечно ж, старые украинские «демократы» были охвачены по полной программе, особенно социологи – фонд Демократические инициативы, Центр UA, КМИС, Internews-Ukraine, Независимый Медиа-Профсоюз, Комитет Избирателей Украины, Школа политической аналитики и многие-многие другие. И все это прошляпили и МВД, и СБУ. Все эти агенты влияния медленно, но уверенно, начиная уже с 2010 года, а многие еще раньше, примерно с 2004 года, стали готовить украинскую молодежь к смене украинского вектора. И молодежь, которая, как известно, телевизоров не смотрит и газет не читает, а живет в интернете, стала доверчиво всасывать сладенькую сказочку о европейском рае, куда всенепременно надо попасть украинцам и где будет им щастя! И таких интернет-сказочников становилось все больше и больше...

Вот только один пример – некое «Гражданское объединение «Громадське телебачення» (Общественное телевидение). Они сами сдуру проговорились, что получают содержание от США, опубликовав в интернете свой финансовый отчет. Из него прямо следовало, что ключевое финансирование для проекта hromadske.tv предоставили отнюдь не граждане, а посольство США. Позже этот отчет после публикации в соцсетях вдруг исчез, но некоторые журналисты сумели его сохранить. Некоторые...

И здесь, листая интернет-страницы, Максим Зверев вдруг с удивлением увидел... свою фамилию. Оказывается, в данной реальности он, Максим Зверев, был известным и матерым журналистом-международником, причем, с 2004 года он работал в свободном плавании, вел несколько телепрограмм на разных, но самых крупных телеканалах, а главное – имел огромный вес, как среди политиков, так и среди журналистов. И, конечно же, был известен практически всем украинцам. Одни его уважали за профессионализм, смелость, беспристрастность, за отстаивание интересов простых людей. А вот другие ненавидели его за его русский язык – он принципиально вел свои программы только на русском языке. А еще – за пренебрежение к националистам любых мастей, а главное – за высмеивание украинских олигархов и политиков, среди которых были кумиры обывателей. То есть, те, кто сладко обещает и красиво говорит. Кстати, та же Юлия Тимошенко была среди их числа. И ее Макс высмеивал особенно безжалостно, продолжая издеваться над ней и после того, как она стала президентом. Правда, издеваться аккуратно и в рамках журналистской этики. Так сказать, строго отталкиваясь от фактов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.